

РЕНЕ АХДИЕ

18+

ПЛАМЯ
В ТУМАНЕ

Young Adult. Сумеречная жажда. Рене Ахдие

Рене Ахдие
Пламя в тумане

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ахдие Р.

Пламя в тумане / Р. Ахдие — «Эксмо», 2017 — (Young Adult.
Сумеречная жажда. Рене Ахдие)

ISBN 978-5-04-191007-5

Бестселлер The New York Times! «Пламя в тумане» – завораживающее азиатское фэнтези о самопожертвовании, чести, любви и семейных ценностях. Как будто «Мулан» встречается с «Игрой престолов». От автора мировых бестселлеров «Красавица» и «Ярость и рассвет». Мариико Хаттори всегда знала, что смысл ее жизни – выйти замуж. Политический брак с наследником престола принесет почет ее семье. Как только ей исполнилось семнадцать лет, ее отправили на встречу с женихом. Но по пути во дворец на нее напал Черный клан, группа опасных наемников. Мариико чудом удалось спастись. Переодевшись в мужскую одежду, она решает отомстить и узнать имена тех, кто пожелал ее смерти. Только так она сможет заслужить уважение императора. Но что, если, примкнув к Черному клану, она поймет свое истинное предназначение и не захочет вернуться к прежней жизни послушной дочери? «Алхимия, самураи и Рене Ахдие. Разве нужно что-то еще говорить?» – Culturess «Если вам понравилась диснеевская „Мулан“, то вы полюбите эту книгу». – The Newark Advocate

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-191007-5

© Ахдие Р., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Начало	9
Иллюзии и ожидания	11
Ночная тварь	15
Не просто девочка	20
Дракон Кая	26
Золотой замок	29
Оправданный риск	33
Упасть вперед, чтобы продолжать двигаться	41
Незаслуженное благословение	46
Выбор	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Рене Ахдие

Пламя в тумане

Посвящается ##¹ и маме Джун, научившим меня, что истинная слабость – это слабость духа.

Renée Ahdieh
Flame In The Mist

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2017 by Renée Ahdieh

© Атарова А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

¹ В пер. с кор. «мама». – Прим. пер.

* * *

Семь принципов Бусидо:

пути воина

#

ги – Справедливость

#

#

юки – Мужество

#

дзин – Сострадание

#

рэй – Почтение

#

макото – Искренность

#

#

Начало

«В начале было два солнца и две луны».

Перед глазами мальчика все расплывалось, заставляя его не замечать правду. Не замечать стыда. Он сосредоточился на истории, которую ему рассказала *уба*² прошлой ночью. Истории о добре и зле, о свете и тьме. Истории о том, как победоносное солнце взошло высоко над головами врагов.

Пальцы инстинктивно потянулись к мозолистой и теплой ладони *убы*. Няня из Кисуна была с ним с тех пор, как он себя помнил, но теперь – как и всего остального – ее не стало.

Теперь не осталось никого.

Вопреки воле зрение мальчика прояснилось, застыв на чистом голубом полуденном небе над головой. Пальцы сжали жесткую ткань рукавов его одежд.

«Не отводи взгляд. Если они увидят, что ты отводишь взгляд, то скажут, что ты слаб».

И вновь слова его *убы* эхом отдались в ушах.

Он опустил глаза.

Двор перед ним был задрапирован белоснежными занавесками и с трех сторон окружен экранами из рисовой бумаги. Длинные знамена с золотым гербом императора развевались на ветру. С двух сторон стояли мрачные зрители – *самурай*³, одетые в темные шелка парадных *хакама*⁴.

В центре двора на маленьком *татами*⁵, покрытом выбеленной парусиной, на коленях стоял отец мальчика. Он тоже был облачен в белое, черты его лица казались высеченными из камня. Перед ним стоял низкий столик, на котором лежал короткий меч. Рядом стоял человек, который когда-то был его лучшим другом.

Мальчик пытался перехватить взгляд отца. На мгновение ему показалось, что отец смотрит в его сторону, но это могла быть просто игра ветра. Уловка ароматного дыма, клубящегося над приземистыми медными жаровнями.

Отец не захотел бы смотреть сыну в глаза. Мальчик это знал. Стыд был слишком велик. А отец наверняка умрет прежде, чем позволит сыну испытать стыд от его слез.

Барабаны начали отбивать медленный ритм. Панихида.

Вдалеке за воротами мальчик уловил приглушенный смех и возню детей. Вскоре на них коротко прикрикнули, заставляя замолчать.

Отец без колебаний развязал узел на талии и распахнул белые одежды, обнажая кожу на животе и груди. Затем он подоткнул рукава под колени, чтобы не упасть назад.

Ибо даже опальный самурай должен умереть достойно.

Мальчик наблюдал, как отец потянулся к короткому лезвию *танто*⁶ на маленьком столике перед ним. Ему хотелось закричать, чтобы он остановился. Закричать, моля еще о мгновении. О еще одном взгляде.

Только об одном.

Но мальчик хранил молчание, пальцы в кулаках побелели. Он сглотнул.

«Не отводи взгляд».

² *Уба* – няня.

³ *Самурай* – член воинского сословия, обычно на службе у сюзерена или даймё.

⁴ *Хакама* – длинные широкие плиссированные штаны, похожие на юбку, надеваемые поверх кимоно.

⁵ *Татами* – тканый коврик, традиционно сделанный из рисовой соломы.

⁶ *Танто* – короткий меч.

Его отец взялся за лезвие, обхватывая руками моток белого шелка у основания. Он вонзил клинок себе в живот, медленно ведя сначала влево, потом вправо. Его лицо оставалось безучастным. В нем нельзя было обнаружить ни одного намека на страдание, хотя мальчик искал его – чувствовал его, – несмотря на все усилия отца.

«Никогда не отводи взгляд».

Наконец, когда отец вытянул шею вперед, мальчик увидел его. Быстрая вспышка, гримаса. В то же мгновение сердце мальчика содрогнулось в груди. Горячий прилив боли захлестнул его.

Человек, который когда-то был лучшим другом его отца, сделал два длинных шага, затем взмахнул сверкающей *катаной*⁷ по идеальной дуге к обнаженной шее отца. Удар головы отца мальчика о татами заставил барабанную дробь замолкнуть.

Но мальчик продолжал смотреть. Наблюдал, как багровая струя вырвалась из сторбленного тела отца, миновала край циновки и разлилась на серые камни за ней. В нос ударил запах свежей крови – смесь теплого металла и морской соли. Он ждал, пока тело его отца понесли в одном направлении, а голову – в другом: выставить напоказ в качестве предупреждения.

Ни один намек на измену не будет прощен. Даже шепот.

Все это время к мальчику никто не подходил. Никто не смел заглянуть ему в глаза.

Бремя стыда обрело форму в груди мальчика, став тяжелее любого веса, который он когда-либо мог вынести.

Когда мальчик наконец повернулся, чтобы покинуть опустевший двор, его взгляд упал на скрипящую дверь рядом. Няня, одна рука которой соскользнула со щеколды, а вторая сжимала два игрушечных меча, встретила его немигающий взгляд. На мгновение она покраснела.

«Никогда не отводи взгляд».

Няня смущенно опустила глаза. Он наблюдал, как она быстро повела мальчика и девочку через деревянные ворота. Они были на несколько лет младше его и, очевидно, из богатой семьи. Возможно, дети одного из присутствовавших сегодня самураев. Мальчик поправил тонкий шелк воротника своего кимоно и пронесся мимо своей няни, ни разу не остановившись, чтобы обратить внимание на сына предателя.

Девочка, однако, замерла. Она дерзко уставилась прямо на мальчика, ее лицо все время меняло выражение. Потерев нос тыльной стороной ладони, она моргнула, мимолетно окинула его взглядом, а затем остановила глаза на его лице.

Он посмотрел в ответ.

– *Марико-сама*!⁸ – заругалась няня. Она шепнула что-то девочке на ухо, а затем потянула ее за локоть.

Тем не менее взгляд девочки не дрогнул. Даже когда она проходила мимо лужи крови, потемневшей на камнях. Даже когда ее глаза сузились от понимания.

Мальчик был благодарен, что не увидел в ее взгляде сочувствия. Вместо этого девочка продолжала изучать его, пока няня не увела ее за угол.

Его глаза вернулись к небу. Он высоко запрокинул подбородок, не обращая внимания на текущие слезы.

«Вначале было два солнца и две луны».

Однажды победоносный сын восстанет... И предаст огню всех врагов своего отца.

⁷ Катана – длинный японский меч.

⁸ -сама – уважительный суффикс, немного более формальный, чем – сан.

Иллюзии и ожидания

Десять лет спустя

На первый взгляд все казалось правильным.

Элегантный паланкин. Покорная дочь. Оказанная честь.

Затем, словно в насмешку над ней, паланкин Марико дернулся, из-за чего она ударилась плечом о стенку *норимоно*⁹. Его выпуклые перламутровые вставки, несомненно, оставят синяк. Марико глубоко вздохнула, подавляя в себе желание начать ворчать в темноте, как злобная старуха. Запах лака норимоно наполнял ноздри, напоминая о леденцах «Борода дракона», которые она любила в детстве.

Мрачный, приторно-сладкий гроб, несущий ее к месту последнего упокоения.

Марико глубже зарылась в подушки. Ничто в путешествии в столицу империи Инако не шло гладко. Ее конвой отбыл позже, чем намечалось, и они слишком часто останавливались. По крайней мере, сейчас – по тому, как норимоно накренился вперед, – Марико могла заключить, что они двигались вниз по склону. Это означало, что они миновали холмы вокруг долины и преодолели уже половину пути до Инако. Она откинулась назад, надеясь, что ее вес поможет сбалансировать паланкин.

Как только она устроилась, норимоно внезапно остановился.

Марико приподняла шелковую занавеску, закрывающую маленькое окно справа от нее. Сгущались сумерки. Лес перед процессией утопал в тумане, деревья казались зазубренными силуэтами, вонзающимися в серебристое небо.

Когда Марико повернулась, чтобы обратиться к ближайшему солдату, в поле зрения появилась молодая служанка.

– Моя госпожа! – выдохнула девушка, прижимаясь к стенке норимоно. – Вы, должно быть, голодны. Это моя оплошность. Пожалуйста, простите меня за невниман...

– Здесь нечего прощать, Тиё-чан¹⁰. – Марико добродушно улыбнулась, но глаза служанки по-прежнему были полны беспокойства. – Это не я остановила конвой.

Тиё низко поклонилась, цветы в ее импровизированной прическе съехали набок. Когда она снова выпрямилась, служанка протянула Марико аккуратно завернутый сверток с едой. Затем Тиё вернулась на свой пост рядом с паланкином, задержавшись лишь для того, чтобы вернуть Марико теплую улыбку.

– Почему мы остановились? – спросила Марико ближайшего *асигару*¹¹.

Солдат вытер пот со лба, затем переложил длинный шест *нагинаты*¹² в другую руку. Отражение солнечного света блеснуло на его остром лезвии.

– Лес.

Марико ждала, уверенная, что он добавит что-то еще.

Над губами солдата выступили капли пота. Он открыл было рот, собираясь что-то добавить, но приближающийся стук копыт отвлек его.

– Госпожа Хаттори... – Нобутада, один из приближенных ее отца и пользующийся его наибольшим доверием самурай, остановил своего скакуна рядом с норимоно Марико. – Я

⁹ *Норимоно* – паланкин, средство передвижения.

¹⁰ *-чан* – уменьшительно-ласкательный суффикс, выражение нежности и дружеских отношений.

¹¹ *Асигару* – пеший воин, пехотинец.

¹² *Нагината* – клинковое оружие с длинной рукоятью.

прошу прощения за задержку, но несколько солдат выразили обеспокоенность по поводу путешествия через лес Дзюкай.

Марико дважды моргнула, ее лицо приняло задумчивое выражение.

– На это есть какая-то особая причина?

– Солнце садится, и они боятся *ёкаев*¹³ и волнуются, что...

– Это просто глупые истории о монстрах, прячущихся во тьме, – она пренебрежительно махнула рукой. – И ничего более.

Нобутада сделал паузу, несомненно, принимая к сведению ее замечание.

– Они также утверждают, что недавно поблизости видели Черный клан.

– Утверждают? – Марико изогнула темную бровь. – Или их в самом деле видели?

– Это только утверждение, – Нобутада опустил защиту для подбородка своего шлема с рогами. – Хотя если бы Черный клан решил нас ограбить, это было бы нечто из ряда вон выходящее. Они обычно не нападают на конвои с женщинами и детьми. Особенно на те, что охраняют самурай.

Марико задумалась.

– Поступим так, как вы считаете нужным, Нобутада-сама. – Вспоминая солдата, с которым она говорила мгновение назад, Марико попыталась улыбнуться. – И пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы вскоре у асигару было время передохнуть и напиться воды. Они выглядят очень утомленными.

Нобутада нахмурился в ответ на ее последнюю просьбу.

– Если нам придется идти в обход леса Дзюкай, это добавит нам целый день пути.

– Что ж, тогда это добавит нам день пути. – Она уже собиралась опустить занавеску, неловкая улыбка все еще не сходила с губ.

– Я предпочел бы не рисковать и не гневать императора.

– Тогда выбор прост. Мы должны повести за собой остальных, Нобутада-сама. Вы научили меня этому, когда я еще была маленькой девочкой. – Марико не отводила взгляд, пока говорила. И не пыталась извиниться за резкость своих слов.

Его хмурый взгляд стал еще темнее. Марико подавила вздох. Она знала, что с ней тяжело. Знала, что Нобутада хотел заставить ее принять решение. Или по крайней мере хотел, чтобы она высказала свое мнение.

Чтобы они сыграли бесполезную игру за власть. Игру, в которой Нобутада потом мог со всем самодовольством подавить ее как старший.

Как мужчина.

Как Марико ни старалась, она не могла справиться со скрытой жгучей обидой.

«Власть – это иллюзия. Ожидания не будут управлять моей жизнью. Больше нет».

– Возможно, не так прост, – поправила Марико, ее пальцы теребили край занавески. – Но на *самом деле* он прост. – Она смягчила тон – жалкая попытка успокоить его. Которая наверняка раздражает его, как часто бывало из-за ее противоречивости. Ее брат, Кэнсин, часто ставил ей это в укор. Часто говорил ей пореже... проявлять характер.

Чтобы хоть немного соответствовать, по крайней мере в подобных мелочах.

Марико склонила голову в поклоне:

– В любом случае полагаюсь на ваше мудрое решение, Нобутада-сама.

Тень упала на его лицо.

– Хорошо, госпожа Хаттори. Мы пойдем через лес Дзюкай. – Произнеся эти слова, он погнал своего скакуна обратно к началу процессии.

Чего и следовало ожидать: Марико разозлила его. Она не высказывала своего истинного мнения ни по одному вопросу с тех пор, как этим утром они покинули дом ее семьи. А Нобу-

¹³ *Ёкай* – лесной демон.

тада хотел, чтобы она командовала им. Отдавала ему приказы, соответствующие возложенной на него почетной роли.

Приказы, подходящие самураю, ответственному за сопровождение императорской невесты.

Марико полагала, что ей и вправду следовало бы побеспокоиться, что она может прибыть в замок Хэйан с опозданием.

Что она опоздает на встречу с императором. И на знакомство с его вторым сыном – ее будущим мужем.

Но Марико было все равно. С того самого дня, когда ее отец сообщил ей, что император Минамото Масару от имени своего второго сына Райдэна отправил предложение о свадьбе, ее вообще мало что заботило.

Марико должна была стать женой принца Райдэна, сына любимой супруги императора. Вступить в политический брак, который возвысит ее отца над остальной правящей элитой *даймё*¹⁴.

Ее должно было волновать, что ее обменивают как собственность, чтобы получить благосклонность. Но ее это не заботило.

Больше нет.

Когда норимоно снова дернулся вперед, Марико потянулась рукой вверх, чтобы поправить изящную черепаховую шпильку, скрепляющую ее густые локоны. Крошечные полоски серебра и нефрита свисали с ее конца, сплетаясь друг с другом в непрекращающейся битве. Когда Марико закончила распутывать их по одной, ее рука опустилась на нефритовый гребень меньшего размера под шпилькой.

В памяти возникло лицо ее матери – выражение решительной покорности, которое было у нее, когда она вставляла нефритовое украшение в волосы своей единственной дочери.

Прощальный подарок. Но не настоящий источник утешения.

Как и последние слова ее отца:

«Посвяти себя своей семье, Марико-тян. Для этого тебя и вырастили. Откажись от своих детских желаний. Будь выше... этого».

Марико плотно сжала губы.

«Это не имеет значения. Я уже отомстила».

У Марико больше не было причин заикливаться на этих вещах. Теперь ее жизнь пошла по четкому пути. Совершенно не важно, что она хотела не этого. Не важно, что осталось еще столь многое увидеть, узнать и сделать. Ее растили с определенной целью. Самое нелепое в этом было то, что эта цель – сделать ее женой важного человека, тогда как она с легкостью могла бы стать кем-то другим. Чем-то бóльшим. Но это не имело значения. Ведь она не мальчик. И несмотря на то что ей едва исполнилось семнадцать лет, Хаттори Марико знала свое место в жизни. Она выйдет замуж за Минамото Райдэна. Ее родители получают статус тех, чья дочь живет в замке Хэйан.

И Марико будет единственной, кто будет знать о пятне на этой чести.

Когда сгустились сумерки и процессия углубилась в лес, запах теплого влажного воздуха обрел свою жизнь. Он смешивался с железным ароматом земли и зелени только что вытоптанных листьев. Станный, пьянящий аромат. Яркий и свежий, но в то же время мягкий и зловещий.

Марико вздрогнула, по костям пробежал холодок. Лошади вокруг норимоно заржали, словно отзываясь на какую-то незримую угрозу. В попытке отвлечься Марико потянулась к небольшому свертку еды, который ей дала Тиё, и, борясь с мурашками, зарылась в подушки.

«Возможно, нам следовало обойти лес Дзюкай стороной».

¹⁴ *Даймё* – феодал, который обычно является вассалом сёгуна; эквивалент английского графа.

Она быстро отбросила эти сомнения и переместила внимание на сверток в своих руках. Внутри было два рисовых шарика, покрытых семенами черного кунжута, а также маринованные кислые сливы, завернутые в листья лотоса. Развернув еду, Марико подняла пальцы, чтобы зажечь крошечный бумажный фонарик, покачивающийся наверху.

Это было одно из ее первых изобретений. Достаточно маленький, чтобы его можно было спрятать в рукаве кимоно. Специальный медленно горящий фитиль, растянутый на тончайшей проволоке. Фитиль был сделан из хлопка, оплетенный речным тростником, затвердевшим в воске. Он сохранял свою форму, несмотря на размер, и горел постоянным ровным светом до самого конца. Марико придумала его еще в детстве. В густой ночной темноте это крошечное изобретение было ее спасение. Она клала его рядом со своими одеялами, где он излучал теплый, радостный свет, в котором она записывала свои новые идеи.

Улыбнувшись воспоминаниям, Марико принялась есть. Несколько черных семян кунжута упали на расписной шелк ее кимоно; она смахнула их. Ткань ощущалась как вода на кончиках пальцев. Она была цвета подслащенных сливок, кромка переходила в темный индиго. Бледно-розовые цветы сакуры усеивали длинные рукава и распускались ветвями у ног Марико.

Бесценное кимоно. Изготовленное из редкого шелка *тацумура*¹⁵. Это был один из подарков, присланных ей сыном императора. Кимоно было прекрасно. Прекраснее всего, что когда-либо было у Марико в жизни.

«Возможно, девушке, которая ценит подобные вещи, было бы приятно».

Когда на шелк упало еще несколько семян кунжута, Марико даже не стала их смахивать. Она закончила есть в тишине, наблюдая, как крошечный фонарик качается из стороны в сторону.

Густые тени собирались снаружи, становясь все ближе и плотнее. Конвой Марико уже глубоко зашел под кроны деревьев. Углубился под их плащ из вздыхающих ветвей и шепчущих листьев. Странно, что она не слышала снаружи никаких признаков жизни – ни карканья ворона, ни крика совы, ни стрекотания насекомых.

Затем норимоно снова остановился. На этот раз слишком резко.

Лошади тяжело задышали. Затопали копытами по земле, усыпанной листьями.

Марико услышала крик. Ее паланкин закачался. Накренился. А затем со страшным стуком рухнул на землю. Она ударилась головой о лакированное дерево, и перед ее глазами засверкали звезды.

И Марико поглотила тьма.

¹⁵ *Тацумура* – редкий вид шелка, из которого изготавливают бесценные кимоно.

Ночная тварь

Марико проснулась от запаха дыма. Глухого шума в ушах.

Стреляющей боли в руке.

Она все еще находилась в своем паланкине, но он опрокинулся набок, а все, что было внутри, сгрудилось в углу.

Тело знакомой ей служанки навалилось на нее. Тиё, которая любила есть замороженную хурму и вплетать в волосы лунные цветы. Тиё, чьи глаза всегда были такими открытыми, большими и честными.

Те самые глаза, которые теперь застыли в предсмертной маске.

У Марико сжалось горло. Ее взгляд затуманился слезами.

Звуки движения снаружи заставили ее очнуться. Правой рукой она коснулась чувствительной шишки на голове. Марико тихо выдохнула, полностью приходя в себя. Звук прозвучал сдавленным всхлипом. При малейшем движении ее рука остро пульсировала болью.

Марико потрясла головой, проясняя ее. И огляделась.

По расположению Тиё напротив нее – и по тому, как лакированные сандалии *дзори*¹⁶ Марико выпали из рук служанки, – было ясно, что девушка пыталась вытащить Марико из покоренного паланкина. Пыталась освободить ее и погибла в процессе. Повсюду была кровь. По блестящим вставкам разлетелись брызги. Она же вытекала из неприятного пореза на голове Марико. И объединялась с кровью из смертельной раны в сердце Тиё. Стрела пронзила насквозь грудь юной девушки; ее кончик вонзился в кожу на предплечье Марико, оставив за собой багровую струйку.

Несколько наконечников стрел вошли и в дерево норимоно. Еще несколько под странными углами торчали из тела Тиё. Стрелы, которые предназначались не для того, чтобы убить эту добрую служанку. И если бы не она, они бы, несомненно, попали в Марико.

Марико крепко обняла Тиё, ее глаза наполнились слезами.

*«Спасибо, Тиё-тян. Сумимасэн»*¹⁷.

Сморгнув слезы, Марико попыталась повернуть голову. Чтобы найти, куда двигаться. Боль у виска пульсировала в такт быстрому биению сердца.

Как только Марико зашевелилась, послышался гул мужских голосов. Она выглянула в дыру в разорванной занавеске над ней. Она смогла разглядеть только двух мужчин, одетых во все черное. Их оружие ярко сияло в свете факелов неподалеку, делая лезвия зловеще-красными.

«Не может быть, чтобы...»

Но доказательства были неопровержимы. Черный клан напал на ее конвой.

Марико затаила дыхание и вжалась в угол, когда мужчины приблизились к паланкину.

– Значит, она мертва? – грубо спросил самый высокий.

Мужчина в маске справа рассматривал перевернутый паланкин, склонив голову набок.

– Либо да, либо она потеряла сознание от...

Вой вдалеке поглотил последнюю часть их разговора.

Мужчины посмотрели друг на друга. С явным пониманием.

– Проверь еще раз, – сказал первый мужчина. – Мне не хотелось бы сообщать, что мы провалили миссию.

Второй мужчина коротко кивнул и направился к паланкину, высоко подняв факел.

Паника охватила Марико. Она крепко стиснула свои стучащие зубы.

¹⁶ *Дзори* – японские национальные сандалии на плоской подошве.

¹⁷ *Сумимасэн* – «спасибо».

Из разговора этих мужчин в масках стали ясны две вещи: Черный клан явно хотел смерти Мариико. И кто-то поручил им убить ее.

Мариико немного изменила позу, как будто это могло скрыть ее от их любопытных взглядов. Как будто это могло превратить ее в ничто. Голова Тиё склонилась вперед, ударившись о разбитое дерево норимоно. Мариико проглотила ругательство, проклиная свою легкомысленность. Она вдохнула через нос, желая, чтобы ее сердце прекратило свой непрекращающийся стук.

Почему вдруг так сильно запахло дымом?

Глаза Мариико тревожно забегали. Края окровавленного халата Тиё чернели на глазах. Исчезали от касания осыпавшегося фитиля крошечного фонарика Мариико.

Паланкин загорелся.

Ей понадобилась вся ее выдержка, чтобы оставаться тихой и неподвижной.

Ужас давил на нее со всех сторон. Давил на нее, чтобы она приняла окончательное решение.

Если Мариико останется тут, то сгорит заживо. Если она выберется из своего укрытия, люди в масках снаружи, несомненно, закончат свою темную работу.

Пламя лизнуло край халата служанки, хватаясь за кимоно Мариико, словно щупальца осьминога.

Паника нарастала, и Мариико снова пошевелилась, тихо кашляя в плечо.

Пришло время принять решение.

«Как я умру сегодня? От огня или от меча?»

Приближающийся человек остановился совсем близко:

– Паланкин горит.

– Тогда пусть горит. – Высокий мужчина даже не дрогнул. Он и вовсе не смотрел в их сторону.

– Нам нужно уходить, – человек снаружи оглянулся через плечо. – Пока запах крови и паленой плоти не привлек ночных тварей. – Он стоял так близко, что его можно было коснуться. Достаточно близко, чтобы нанести удар, если бы у Мариико хватило смелости.

Высокий мужчина кивнул:

– Скоро отправимся. Но не раньше, чем ты убедишься, что девчонка мертва.

Скорбный вой стал громче. Ближе. Окружая их со всех сторон.

Когда человек рядом потянулся к изорванной занавеске, одна из поврежденных опор норимоно раскололась надвое. Сломавшееся дерево ударило его по руке, разбрасывая во все стороны шквал искр.

Отскочив назад, он выругался себе под нос:

– Девчонка все равно что мертва, – мужчина заговорил более решительно, пламя его факела развевалось на ветру. Жар от разгорающегося огня покрыл шею Мариико ровными струйками пота. Растущее пламя у ее ног потрескивало, сжигая кожу Тиё.

Желудок Мариико сжался от запаха. Пот заливал ее жесткий белый воротничок.

«Прими решение, Хаттори Мариико! Как ты хочешь умереть?»

У нее стучали зубы. С силой сглотнув, Мариико впилась ногтями в ладони, ее взгляд метался по маленькому, разбитому пространству. Храбрость не была присуща ей от природы. Она потратила слишком много времени, взвешивая свои варианты, чтобы быть смелой. Слишком много времени, просчитывая множество возможностей, открытых перед ней.

Но Мариико знала, что пришло время действовать решительнее. Время стать чем-то большим.

Она не умрет трусихой. Мариико была дочерью самурая. Сестрой Дракона Кая.

Но важнее всего то, что она по-прежнему могла сама принимать решения.

По крайней мере, сегодня, в этот последний день.

Она встретится со своим врагом лицом к лицу. И умрет с честью.

Перед ее глазами плыло из-за сгущающегося дыма, и Мариико оттолкнула тело Тиё, ее руки дрожали, несмотря на все усилия.

В темноте раздался крик. Человек рядом с норимоно обернулся на треск.

За криками последовало животное рычание. Нескольких зверей.

Затем еще один крик. Эхо похоронного звона. Вместе с ним раздался вой пиршества зверей.

– Ночные твари! – Человек с факелом вновь обернулся, пламя прыгало от его движений. – Они атакуют нас с фланга!

– Проверь девчонку, – настаивал первый человек. – Это важнее, чем...

– Невеста принца все равно что мертва! – С этими словами он бросил свой факел на крышу норимоно Мариико, решая тем самым ее судьбу, и бросился прочь. – Соберите наших убитых. Не оставляйте никого! – крикнул он другим людям, которых она не видела.

Мариико подавила крик, когда лязг металла и шорох тел собрались в ближайших тенях. С каждым мгновением рос хаос. Пламя в норимоно взметнулось выше. Больше. Жар заставил ее кожу порозоветь. Она крепко сцепила пальцы, сдерживая кашель, и забилась еще дальше в угол. Слезы текли по ее лицу, лишая всякой решимости.

«Трусиха».

Факел наверху с треском поджег лакированное дерево норимоно.

Вскоре Мариико стогит вместе с ним. Лакированный трут вокруг нее трещал и шипел, расплавленная смола вспыхивала голубым пламенем.

С ее губ сорвалось дрожащее дыхание.

«Я не трусиха. Я... выше этого».

Слезы промочили перед ее шелкового кимоно. Она не собиралась умирать, как животное, запертое в клетке. Как девушка, у которой нет ничего, кроме ее имени.

Лучше умереть от меча. Лучше отдаться на милость ночных тварей.

Умереть на ночном воздухе. *На свободе.*

Чувствуя учащенный пульс в кончиках пальцев, Мариико окончательно сдвинула с себя тело Тиё. Она пинком выбила дверь норимоно. Одна блестящая сандалия свалилась, пока она изо всех сил пыталась выбраться, глотая воздух, чтобы потушить жжение в горле. Мариико, пошатнувшись, шагнула прочь от обломков и вытаращила глаза, безумно оглядываясь.

Лес утопал в полной темноте.

А ее кимоно было в огне.

Она действовала быстро. Инстинктивно. Мариико обернула вокруг себя шелковую ткань, лишая огонь воздуха, необходимого для горения. Запястье обожгло под складками кимоно, дым серыми струйками взвился вверх от гладкого шелка. Резко вскрикнув, Мариико дернула за свой *оби*¹⁸, проклиная способ, которым тот был намотан вокруг ее талии. Слишком сложно. Совершенно не нужно. Спотыкаясь о кусты, она сдернула с плеч прекрасное кимоно, отшатыраясь от горящего норимоно как пьяница.

Ее глаза искали во тьме любой проблеск света. Но все, что она видела, – это ее паланкин, охваченный пламенем. Ее кимоно тлело на лесной подстилке.

«Если те люди вернутся, они увидят кимоно. Они поймут, что я сбежала».

Без колебаний Мариико схватила его за подол и швырнула шелк обратно в шипящее пламя.

Кимоно вспыхнуло, лишь коснувшись плавящегося лака. Горящий шелк и плавящийся лак. Словно тающие конфеты «Борода дракона».

Смешанные с запахом горячей плоти.

¹⁸ *Оби* – широкий пояс для кимоно.

Тиё.

Она быстро заморгала, изо всех сил пытаясь удержать тело в вертикальном положении. Вокруг нее лежали тела сопровождающих, посланных ее отцом.

Служанки. Самурай. Пехотинцы.

Все мертвы.

Марико стояла в тени, ее грудь вздымалась, пока ее глаза осматривали влажную землю.

Они забрали все ценное. Быстро. Эффективно. Сундуки стояли пустые. Имперских коней увели как движимое имущество, не оставив после себя ничего, кроме поводьев, украшенных кисточками. Ленты красного, белого и золотого цвета устилали землю.

Но Марико знала, что ограбление не было их главной целью.

«Черный клан пытался убить меня. Хотя они знали, что я собираюсь выйти замуж за принца Райдэна, они все равно взялись за эту миссию. Кто-то, имеющий власть над Черным кланом, желает моей смерти».

Внезапно на нее обрушился ледяной шок. Ее плечи ослабли. Снова – почти инстинктивно – Марико распрямила их, напрягая подбородок, чтобы не расплакаться. Она отказывалась сдаваться на милость потрясению. Точно так же, как она отказывалась пускать в свое сердце страхи.

«Думай, Хаттори Марико. Продолжай двигаться».

Она пошатнулась, намереваясь бежать и не оглядываться. Но все, что ей удалось сделать, – это два неуверенных шага, а затем она передумала. Подумала о своих шансах пройти через мрачный лес без оружия и в одних нижних одеждах.

Стараясь не обращать внимания на ужасную кровавую бойню вокруг, Марико двинулась к павшему самураю. Его катана пропала, но его короткий *вакидзаси*¹⁹ все еще был в ножнах на его талии. Она взяла в руки небольшое оружие, которым было легче орудовать. Остановившись только для того, чтобы замести свои следы на земле, она двинулась через лес, не имея ни направления, ни цели. Ничего, кроме желания выжить.

Тьма вокруг нее угнетала. Она споткнулась о корни, ничего не видя вокруг. Через некоторое время отсутствие одного чувства усилило все остальные. Треск ветки или стрекот пролетевшего насекомого раздавались в воздухе, словно удар гонга. В соседних кустах что-то зашуршало – сталь заскрежетала о камень, – и Марико вжалась в кору дерева. Ужас окончательно заставил заледенеть кровь.

Низкий рык откуда-то из-под земли пронзил все ее существо, как грохот приближающейся армии. За ним последовали звуки тяжелых лап, шлепающих по опавшим листьям.

Дикая скрытность.

Ночная тварь, отслеживающая свою последнюю добычу.

Желудок Марико сжался, а пальцы задрожали, когда она приготовилась встретить свой конец.

«Нет. Я не буду забиваться в угол. Большие никогда».

Она отползла от дерева, зацепившись лодыжкой за каменистую осыпь. Каждое движение отдавалось в груди, когда она падала на лесную подстилку, только чтобы снова вскочить на ноги. Ее тело казалось живым, энергия бурлила под кожей, пока кровь текла по телу. Спрятаться было негде. Белый шелк ее нижних одежд никак не смог бы защитить от самых страшных монстров леса.

Рычание за спиной превратилось в ровное ворчание. Непоколебимое. Приближаясь все ближе. Когда Марико обернулась, чтобы разглядеть своего врага, в темноте материализовались два желтых глаза ящера. Как у гигантской змеи.

¹⁹ *Вакидзаси* – короткий меч, похожий на катану; самураи традиционно носят оба клинка одновременно.

Существо, материализовавшееся вокруг этих глаз, было огромным, его морда напоминала ягуара, а тело было массивным, как у медведя. Без дальнейших провокаций зверь поднялся на задние лапы, с его оскаленных клыков капала слюна. Он запрокинул голову и завыл. Звук рикошетом улетел в ночь.

Марико попыталась собраться с силами, но ее колени подогнулись.

Но существо не атаковало.

Оно посмотрело в сторону, затем снова на нее. Его желтые глаза ярко светились. Зверь наклонил голову, как будто заглядывая ей за плечо.

«Беги!» – закричал внутренний голос Марико. – *Беги, идиотка!»*

Она вдохнула, делая медленный шаг назад.

Но чудовище все не атаковало. Оно снова взглянуло в ту же сторону, а потом опять на нее. Его рычание становилось все громче и свирепее.

Как будто предупреждало ее.

Затем – без единого звука – зверь скользнул к ней. Словно призрак. Словно лесной демон, оседлавший клубы черного дыма.

Крик Марико разорвал ночное небо.

Существо растворилось в воздушном вихре. В водовороте чернильной тьмы.

– Что ж, – за ее спиной раздался хриплый голос. – Удача действительно улыбнулась мне сегодня вечером.

Не просто девочка

Из теней появился грязный человек. Он направился к ней, под его босыми ногами хрустели ветки.

– Что ты здесь делаешь, девочка? – Его губы блестели от слюны. – Разве ты не знаешь, что эта часть леса опасна? – Черные глаза-бусинки скользнули по ее дрожащему телу.

Раньше ни один мужчина не осмеливался смотреть на нее так.

С подобным необузданным злом, светящимся во взгляде.

– Я... – Марико сделала паузу, чтобы обдумать свой ответ. Чтобы выбрать безопасную тактику. Не могла же она начать укорять его, как это сделала бы ее мать. Ведь это не один из вассалов или слуг ее отца. На самом деле после всего только что увиденного она даже не понимала, был ли этот человек вообще из плоти и костей.

«Довольно этой чуши».

Страх не поможет ей отличить твердую форму от дыма и теней.

Марико выпрямилась, прижимая вакидзаси к своему нижнему халату. Вне поля его зрения. Вместо того чтобы подражать властному тону матери, она заговорила спокойно. Мягко:

– По правде говоря, я бы предпочла не быть здесь. Вот почему я пытаюсь найти выход. – Она встретила его взгляд с молчаливым вызовом.

– В такой-то одежде? – Он бросил на нее косой взгляд, его ухмылка была смесью грязи и выбитых зубов.

Она ничего не ответила, хотя каждая жила ее вытянулась до предела.

Мужчина шагнул ближе:

– Я так понимаю, ты заблудилась? – Его язык выскочил изо рта, как у ящерицы в поисках добычи.

Марико подавила желание ответить. Желание сделать ему выговор. Кэнсин увел бы его в цепях, просто кивнув людям за своей спиной. Мужчинам с гербом клана Хаттори. Но Кэнсин обладал силой солдата. Волей самурая.

А со стороны Марико было бы неразумно провоцировать неизвестного.

Так что же она должна ответить?

Если она не могла использовать угрозы как оружие в своем арсенале, то, возможно, ей поможет хитрость. Марико молчала. Хотя ее свободная рука дрожала, ладонь, обхватившая вакидзаси, оставалась твердой.

– Ты заблудилась. – Мужчина подошел ближе. Достаточно близко, чтобы Марико почувствовала запах немойтой кожи и кислого рисового вина. Медный привкус недавно пролитой крови. – Как же ты умудрилась заблудиться, прелестное создание?

У нее перехватило дыхание. Хватка вокруг короткого меча усилилась.

– Я полагаю, если бы кто-то знал ответ на этот вопрос, он бы не считался потерянным, – сказала она ровным тоном.

Мужчина фыркнул, наполняя воздух своим едким дыханием:

– Умная девочка. Такая осторожная. Но недостаточно осторожная. Будь ты по-настоящему осторожной, ты бы не заблудилась в лесу... в полном одиночестве. – Он упер свой *бо*²⁰ в землю между ними. Свежая кровь окрашивала один конец деревянного посоха. – Ты уверена, что не являешься частью процессии менее чем в лиге²¹ отсюда? От которой остались одни трупы, – он наклонился ближе, понизив голос до шепота, – и никаких денег?

²⁰ *Бо* – посох, палка, жезл.

²¹ *Лига* – мера длины, равная 4827 метров. – Прим. пер.

Он выследил ее. Несмотря на все старания Мариико по заметанию следов, этому мужчине удалось ее найти. Он был ленивым вороном, питавшимся объедками тех, кто сильнее его. Она снова предпочла промолчать, пряча вакидзаси за собой.

Слова не помогут ей справиться с этим мужчиной.

– Потому что, если ты заблудилась, – лениво продолжал он, – я счел бы это весьма благоприятным предзнаменованием для тебя. Черный клан не берет пленных. И не оставляет выживших. Это плохо для репутации, знаешь ли. И их, и моей.

Понимание обрушилось на Мариико, ее хватка стала слишком крепкой. Ее подозрения подтвердились – он не был членом Черного клана. Даже из того небольшого, что она узнала ранее, было понятно, что банда убийц в масках была более организованной.

Гораздо более точной.

Этот человек – с его грязными ногами и одеждой – был совсем не таким.

Когда Мариико снова не ответила, он нахмурился, возбуждение начало укореняться в нем.

– Что если я передам тебя им? – Он подошел ближе – на расстояние вытянутой руки, – беспорядочно волоча свой бо по темному суглинку под ногами. Его слова должны были прозвучать угрожающе, но мужчине не хватало необходимой сосредоточенности. Необходимой дисциплины настоящего воина. – Я уверен, Черный клан будет очень признателен, если я приведу тебя к ним. Я не думаю, чтобы они захотели, чтобы весть об этой неудаче достигла ушей их нанимателей. Или их конкурентов.

Увидев, как он споткнулся о корень, Мариико не смогла сдержать мягкой насмешки:

– Что ж, тогда я была бы очень признательна, если бы вы отвели меня к ним. Похоже, они забрали несколько моих вещей. И мне хотелось бы их вернуть.

Он снова хрипло рассмеялся, и – даже с ленцой, что отдавалась в смехе, – этот звук отозвался мурашками по ее спине.

– Ты была бы почти забавной, если бы почаще улыбалась. – Его губы скривились. – На случай, если твоя мать никогда не говорила тебе, красивые девочки вроде тебя должны улыбаться. Особенно если пытаешься заставить мужчину следовать твоим приказам.

Мариико напряглась. Ей были ненавистны его слова. Ненавистно предположение, что ей необходим мужчина, чтобы что-то сделать.

Ненавистна правда в его словах.

– Не волнуйся. – Мужчина медленно размахивал бо, сигнализируя ей следовать перед ним. – Мы найдем Черный клан. Это может занять некоторое время. Но мне по случайности известно, что их любимые стоянки находятся вдоль западной окраины леса. Рано или поздно они обязательно появятся там. А я человек терпеливый. – С хитрой ухмылкой он вытащил моток изношенной веревки, свисавший с его пояса.

Мариико расставила ноги, приготовившись к бою. Слегка согнула их в коленях. Зафиксировала себя на земле.

– Кроме того... – его широкая улыбка заставила ее внутренне содрогнуться, – ты кажешься отличной компанией.

Пока он разматывал веревку, Мариико перехватила клинок. Кэнсин научил ее, куда наносить удар. Мягкие места, свободные от костей, такие как желудок и горло. Если она сможет ударить его выше внутренней стороны колена, его кровь прольется достаточно быстро, чтобы убить его за считанные секунды.

Мариико рассчитывала. Обдумывала.

Она была так занята своими мыслями, что не успела предвидеть его внезапное движение.

В одно мгновение мужчина схватил Мариико за предплечье, дернув на себя.

Она закричала, отталкивая его. Посох оказался выбит из его руки и с грохотом ударился об основание ствола дерева. В последовавшей суматохе Мариико искала угол, чтобы ударить

по его руке. Она широко взмахнула вакидзаси, даже не пытаясь прицелиться и просто надеясь попасть хоть куда-нибудь.

Бездушный смех сорвался с губ мужчины, когда он схватился за вакидзаси. Его локоть ударил по лицу Марики, повалив ее на землю с усилием не больше, чем нужно, чтобы усмирить хнычущего теленка.

Удерживая одно из ее запястий в своей грязной хватке, мужчина попытался связать ее руки вместе.

Не было времени на страх, ярость или другие эмоции. Марико громко закричала, пиная его и пытаясь восстановить контроль над клинком. Его кончик вонзился в рукав, разрезая ткань около ее тела. И открывая еще больше голой кожи.

Мужчина ткнул Марику щекой в грязь.

– Бесплезно драться, девчонка, – сказал он. – Нет причин делать это неприятным для нас обоих.

– Я не *девчонка*, – ярость поднялась в ее груди. – Я Хаттори Марико. И ты умрешь за это. От *моей* руки.

«Клянусь».

Он весело фыркнул, его нижняя губа самодовольно оттопырилась, в ее центре скопилась слюна.

– Ты отмечена смертью. Если Черный клан хочет твоей гибели, тебе никогда не пройти через этот лес живой. – Вытерев рот о плечо, он сделал паузу, словно размышляя. – Но я мог бы рассмотреть и другие варианты. – Его взгляд остановился на участке обнаженной кожи над ее локтем.

Выражение его лица, которое она увидела, вызвало у Марико желание разорвать ему горло, вцепившись одними только зубами.

– Я не заключаю сделок с ворами.

– Все мы воры, девочка. Тебе подобные даже больше всех. – Он приставил лезвие вакидзаси под ее подбородок. – Прими решение. Поторгуйся со мной, и я верну тебя твоей семье в целости и сохранности. Разумеется, по адекватной цене. – Его отвратительная вонь окутала ее. – Или дождись, когда придется торговаться с Черным кланом. Но если бы выбирал я, я бы сделал ставку на себя. Я намного добрее. И я не причиню тебе вреда.

Сквозь ложь она услышала правду. Увидела ее, похороненную глубоко в его взгляде.

«Я больше не позволю мужчинам использовать себя. Я не приз, который можно купить или продать».

Марико перестала бороться, как будто задумалась над его предложением. Решила сдаться. Вакидзаси отодвинулся от ее подбородка как раз в тот момент, как она опустила руки по бокам. Недолго думая, она бросила горсть грязи мужчине в глаза. Он дрогнул, пытаясь пальцами убрать комья земли и обнажая мягкий низ живота. Марико тут же ударила его кулаком в основание горла, а затем откатилась в сторону, пока он все кашлял и давился, изо всех сил пытаясь отдышаться. Марико попыталась встать – попыталась сбежать, – но ее тонкий халат запутался вокруг ее ног. Она упала на мужчину, и он слепо вцепился в нее.

Не раздумывая, Марико выхватила черепаховую шпильку из своих волос...

И воткнула в его левый глаз.

Шпилька пронзила его, как игла пронзает виноградину.

Его крик был долгим. Полным муки.

С этим звуком пришел внезапный прилив ясности. Он расцвел в груди Марико, растекаясь, как глоток идеально заваренного чая.

Все просто. Все инстинктивно.

Она схватила вакидзаси и перерезала мужчине горло от уха до уха.

Бульканье поглотило его крик. Алые пузыри хлюпали у него на губах, когда он пытался произнести свои последние слова. Через несколько мгновений он замер. Неподвижно, если не считать крови, капающей из его глаза и горла.

Марико отползла от него, выворачивая содержимое своего желудка в кусты.

* * *

Хаттори Марико прижалась к грубому стволу древней сосны. Ее тело медленно раскачивалось из стороны в сторону. Она смотрела, как ее белые носки *таби*²² отсыревают от влажного мха. Кусты вокруг нее стали убежищем, лишайник по бокам – плащом. Скрипучие сосны качались над ее головой. Их стоны, разносящиеся эхом, напоминали потревоженных заблудших душ. Тех многих заблудших душ, что встретили свою гибель под тенью леса Дзюкай.

Менее чем в двух шагах от нее лежала одна из этих заблудших душ.

«Слава звездам, что я не среди них. Во всяком случае, пока нет».

Марико обвила руками свои ноги. Как будто таким образом она могла удержать себя в руках.

Лес, возможно, еще не забрал ее себе, но было очевидно, что она совершенно заблудилась. Настолько, насколько это возможно. В этом лабиринте из деревьев, наполненном существами – как людьми, так и нелюдьми, – которые могли ее убить, стоило им только захотеть. Тьма, которая недавно была ее убежищем, также, вероятно, станет ее погибелью. Эта наступающая угроза напомнила ей о времени, когда десять лет назад Кэнсин поспорил с ней, вынудив нырнуть с ним на глубину озера, расположенного на краю земель их семьи. Стоял полдень после летней грозы. Вода была мутной, и на дне постоянно вихрился ил.

Хотя обычно Марико избегала таких бессмысленных споров, она всегда отлично плавала. А Кэнсин был особенно самодовольным в тот день. Остро нуждался в том, чтобы кто-то преподавал ему урок. Поэтому она нырнула на дно, уверенно гребя руками в мутной воде. Пока она стремилась к своей цели, ветка со скрученными листьями задела ее щеку, сбив с толку. В это мгновение она потеряла ориентир. Марико перестала понимать, в какую сторону надо плыть. Больше не разбирала путь ни в одном направлении. Она наглоталась мутной воды, пока ужас истощал ее уверенность. Стачивал края, пока от нее почти не осталось следа.

Если бы не рывок твердых рук Кэнсина, Марико могла бы утонуть в тот день.

Здесь она чувствовала нечто подобное. В этой полной угрозы тьме. В этом лесу, скрывающем в своих уголках кошмары тысячелетий.

Тишину нарушила ухающая сова, пролетающая ниже. Как будто она искала, чем поужинать. Взглянув налево, Марико увидела паутину в изгибе ветвей поблизости. Капли росы висели на ее шелковых прядях. Она сосредоточила свое внимание на том, как они тяжелели от влаги. Собирались вместе. Соскальзывали вниз по мерцающему шелку, сливаясь в центре паутины.

Не успела она и глазом моргнуть, как вода брызнула с паутины бриллиантовым каскадом. Ее создатель вернулся, вытягивая восемь длинных ног по поверхности паутины.

В ожидании своей добычи.

Марико хотелось вырваться из своей кожи. Стать кем угодно, оказаться *где угодно*, только не здесь.

Порыв ветра пронесся сквозь колючие заросли терновника вокруг нее. Ветер завивался под ее волосами, приподнимая выпавшие пряди. Он уловил липкость на ее щеках. Соленую влагу, оставленную дорожками слез.

²² Таби – носки с раздельным большим пальцем.

Ей нужно найти дорогу домой. Дорогу обратно к своей семье. Туда, где предположительно было ее место.

Но Мариико не могла заглушить гул своих мыслей.

Не могла подавить свое любопытство.

Она хотела – нет, ей было *необходимо* – узнать, почему Черный клан послали, чтобы убить ее.

Кто желал ей смерти? И почему?

Она осторожно вдохнула. Вцепившись в колени, прижатые к груди, Мариико заставила себя перестать раскачиваться.

И начать думать.

«Что бы сделал Кэнсин?»

Ответ на этот вопрос был прост. Ее старший брат не остановился бы ни перед чем, чтобы узнать, кто пытался его убить. Кто ограбил его семью и чуть не забрал его жизнь? Кэнсин бы не успокоился, пока не принес домой головы своих врагов в мешках, обагренных их кровью.

Но ее брату была позволена такая свобода действий. Такая свобода выбора. В конце концов, он получил имя Дракона Кая не потому, что сидел в безопасности в стенах их фамильного поместья.

Он заслужил его на поле боя. Каждым взмахом своего меча.

Если Мариико вернется домой, семья быстро осушит ее слезы и отправит обратно. По этому же самому пути. Любое слово о событиях, произошедших в лесу Дзюкай, будет похоронено. Если император, принц или кто-либо из знати узнает, что Мариико подверглась нападению во время путешествия в Инако, императорская семья может расторгнуть помолвку. Может заявить, что это несчастье было дурным предзнаменованием. А императорская кровь не могла рисковать подобным.

Не говоря уже о хладнокровном сомнении, которое, несомненно, за этим последует. И перейдет в перешептывания за ее спиной.

Сомнение в целомудрии Мариико. Девушка, заблудившаяся в лесу, одна среди убийц и воров. Вопрос, который останется, несмотря на искренние заверения ее семьи.

Мариико прикусила губу.

На вопрос, на который она уже ответила в качестве своей мести. В полдень, полный расчетливой ярости. Но если...

Если.

Если бы она узнала правду – если бы узнала, кто послал Черный клан убить ее, – Мариико могла бы избавить своих родителей от смущения из-за того, что их дочь была отвергнута. Могла бы избавить их от риска запятнать свой род облаком подозрений.

Мысли начали кружиться в ее голове, медленно разворачиваясь, как змеиные кольца.

Что если Черный клан послал кто-то из Инако? Что если конкурирующая семья из знати устроила это покушение, чтобы разрушить растущее влияние Хаттори?

Если это так, то любой в столице оказывался под подозрением.

Если Мариико узнает правду о сегодняшних событиях, то, возможно, она сможет выявить недоброжелателей своей семьи, доказав, что она может принести пользу клану Хаттори не только заключением выгодного брака. Кроме того, у нее будет несколько дней, а может, и недель, чтобы побродить в свое удовольствие.

Затем она вернется и навеки станет послушной дочерью.

Мариико сглотнула. Она почти чувствовала вкус свободы. Его сладкое обещание, дразнящее кончик ее языка.

Прохладный ветерок вновь прорезал воздух, скручивая ее волосы в очередном безумии. Легкий аромат масла камелии наполнил ее ноздри. Оно использовалось, чтобы пригладить ее густые пряди. Чтобы усмирить их.

Как будто напоминая ей: Хаттори Марико не имеет права свободно бродить по Империи Ва.

Девушка из знатной семьи может даже не пытаться сотворить что-то подобное. Не говоря уже о том, что Хаттори Кэнсин был одним из лучших следопытов империи. Как только ее брат обнаружит, что Марико пропала, он определенно начнет поиски. Так было всегда. Хотя Кэнсин был всего на несколько мгновений старше Марико, он заботился о ней – присматривал за ней – с тех пор, как они были детьми.

Ее брат найдет ее. В этом не было сомнений.

В раздражении она провела белым рукавом по лбу. Черная полоса осталась на шелке. От обожженного дерева павловнии, которым подвели ее брови. Марико поскребла испачканный рукав, затем обреченно сдалась: ее минутное счастье не выдержало столкновения с неизбежной правдой.

Ее взгляд упал на лежащий рядом окровавленный вакидзаси. Больше не заботясь о состоянии своего прекрасного нижнего халата, она вытерла кровь о его подол. Испачкав его еще больше. Кровью и черной павловнией.

Это правда, что Хаттори Марико не могла свободно бродить по империи. Но если...

Если.

Марико вытащила нефритовую заколку из последнего кольца волос на макушке. Черные локоны рассыпались по ее плечам, ниспадая до талии водопадом ароматного черного дерева. Она собрала волосы в кулак на затылке одной рукой.

Позже она будет удивляться тому, что совершенно не колебалась. Ни на мгновение.

Марико срезала собранные пряди одним махом. Потом она встала. Окинув пряди взглядом, полным мимолетного раскаяния, Марико разбросала их среди колючих кустов терновника, стараясь скрыть их глубоко в тени.

Она чувствовала себя легче; ее плечи расслабились.

Марико взглянула на все вокруг новым взглядом, словно ее глаза могли разглядеть что-то сквозь густую тьму. Увидеть сквозь плотную завесу ночи. Ее взгляд остановился на неподвижной фигуре слева от нее – скрученном стервятнике, которого она недавно убила.

Странно, что она не чувствовала никакой жалости. Ни капли раскаяния.

Кэнсин гордился бы ею.

Она отбилась от нападавшего. При этом она продемонстрировала один из семи принципов *бусидо*:

Храбрость.

Путь воина.

Марико опустилась на колени рядом с лужей запекшейся крови. Одежда мужчины, как и все остальное, была грязной. Воротник его конопляного *косодэ*²³ был в пятнах от рисового вина и сухого проса, а полотно штанов протерлось.

Но они послужат еще одной цели.

С пугающей ясностью Марико развязала пояс нижнего халата. Позволила ему упасть с плеч на землю. Затем она потянулась, чтобы развязать узел на его *косодэ*.

Хаттори Марико была не просто какой-то девчонкой.

Она была больше этого.

²³ *Косодэ* – простой халат, которые носили и мужчины, и женщины.

Дракон Кая

Огромный боевой конь медленно шагал сквозь предрассветный туман. Завеса из лиан расступалась перед ним. Другие самураи верхом выступили из темноты, возвращаясь на позиции по бокам коня. Его наездник в тяжелой броне неумолимо вел их вперед. Животное с дикими глазами фыркало через ноздри, и его дыхание сливалось с туманом – два постоянных потока едва сдерживаемой ярости.

Самурай верхом на гнедом коне резко отличался от своего скакуна. Он казался спокойным. Собранным. Его шлем венчали закрученные рога. Спереди красовалась зияющая драконья пасть из полированной стали, покрытая кроваво-красным лаком. Нагрудник его *до*²⁴ был сделан из прямоугольных пластин закаленной кожи и железа. На него был нашит шестиугольный герб с двумя оперенными стрелами в центре, похожими на штрихи. Напротив друг друга. Всегда прикрывая чужой тыл. Всегда сохраняя баланс между светом и тьмой.

Всадники и их кони бесшумно крались сквозь быстро тающую тьму. Утренний туман обнимал копыта лошадей, расступаясь с каждым шагом, пока они следовали через лес Дзюкай. Вперед. Только вперед.

Самурай, возглавлявший отряд, ехал через призрачный лес, внимательно изучая землю перед собой.

Ничего не упуская.

Через некоторое время они вышли на поляну. На ту самую, которую они искали последние два дня. Не так давно прилетевшие стервятники медленно кружили над ними по нисходящей спирали, привлекая их все ближе.

Притягивая их к сцене смерти и разорения.

Перед отрядом самураев раскинулись руины недавно разграбленного богатого конвоя.

Мужчины остановили своих лошадей. Их лидер спешился, не говоря ни слова. Его шаги были такими легкими, что их почти не было слышно. Белый туман клубился вокруг него, пока он беззвучно двигался вперед.

Хотя он мог бы остановиться, чтобы обратить внимание на погибших – на тела пятнадцати самураев, оставленных гнить в этот бесславный предрассветный час, – лидер отряда с неуклонной целеустремленностью двинулся к куче дерева, которая выглядела как останки недавнего костра. Когда он приблизился к обугленным руинам, в его памяти возникла тень элегантного лакированного норимоно. Самурай поправил мечи на поясе и снял шлем.

Розовый свет только начал пробиваться сквозь деревья за его спиной. Самурай произвольно подставил лицо его нежному теплу. Он сделал медленный вдох. Вдох, напомнивший о жизни, которую ему посчастливилось жить. Вдох, напомнивший о хорошей смерти, которая ему была суждена...

На поле боя.

Он был молод. У него было худое лицо. Воинствующее. С заостренной челюстью и глазами чернее смолы. Его волосы были собраны в идеальный пучок, каждая прядь приглажена в элегантной покорности. Пока он осматривал руины, другой самурай в броне подошел к нему, неся остатки обгоревшего *боро*²⁵ и шелка – два опаленных знамени, на одном из которых был такой же шестиугольный герб, а на другом – герб императора.

Второй самурай подтвердил его опасения:

²⁴ *До* – нагрудная броня.

²⁵ *Боро* – лоскутная ткань, которую носят служанки и крестьяне.

– Мне очень жаль, Кэнсин-вакасама²⁶, – хотя слова выражали соболезнования, в голосе не чувствовалось сожаления. В его тоне слышалось понятное обещание.

Обещание кровавого возмездия.

Вместо того чтобы ответить на обещание самурая своим собственным, молодой человек в драконьем шлеме даже не взглянул в его сторону. Бесстрастный перед лицом ужасов, учиненных над его собственными людьми – над его собственной семьей, – он взялся за почерневший кусок дерева и дернул его в сторону со зловещей аккуратностью. Тот раскололся, его концы рассыпались в золу в его руках.

Молодой самурай заглянул внутрь.

Внутри лежало обгоревшее тело девушки. То, что осталось от ее кожи, почернело от огня. Продолжая изучать сцену убийства, Хаттори Кэнсин заметил блеск нескольких наконечников стрел, похороненных под останками девушки, и подозрительное темное пятно на полу нори-моно. Смолистое. Густое.

Кровь.

Она не погибла в огне.

Он замер.

Затем вновь продолжил свои поиски, его глаза неустанно блуждали. В одном из уцелевших углов богато украшенного нори-моно был спрятан небольшой треугольник обгоревшей ткани. Из такой же ткани боро его семья делала свои знамена. Одежда крестьян и служанок также шилась из него.

Он пригляделся внимательнее, вороша угли в поисках новых проблесков правды.

Кимоно Марико. Нигде не было видно даже намека на шелк тацумура, столь отличный от бора.

Взгляд Кэнсина переместился на голую землю под ногами. Он посмотрел влево, затем медленно повернул голову вправо.

Сандалия дзори, почти не замеченная им, лежала на боку в нескольких шагах от нори-моно. Она сияла даже в тусклых лучах утреннего солнца. Лакированное покрытие не было испорчено пламенем. Кэнсин подошел к дзори своей сестры и опустился на колени, подбирая ее.

– Мой господин, – нерешительно заговорил самурай за его спиной, – я знаю...

Кэнсин взглядом заставил его замолчать, а затем вернулся к своему делу, продолжая искать глазами. Продолжая охотиться.

Вскоре он нашел то, что искал.

Следы.

Две пары. Одни шли в погоне за другими, следы второго человека заинтересовали Кэнсина гораздо меньше, чем первого.

Первые следы принадлежали женщине в носках таби с раздвоенными пальцами. Следы раненого оленя, бредущего прочь от неминуемой гибели. Была очевидна попытка скрыть их. Но немногие из тех, кто проходил через этот лес, обладали упорной решимостью и неоспоримым мастерством Хаттори Кэнсина. Он знал эти следы. Отпечатки, оставленные в земле, были слишком малы для мужчины. Слишком изящны.

Хотя изящество никогда не было присуще его сестре-близнецу, Кэнсин с той же уверенностью, с которой билось его сердце, понял, что они принадлежат ей. С той же уверенностью, с которой делал каждый вдох. Три дня назад она была жива.

И эти следы вели налево.

Прочь от кровавой бойни.

²⁶ Вакасама – молодой господин.

Не говоря ни слова, Хаттори Кэнсин вернулся к своему боевому коню с дикими глазами. Рожденный стать воином – стать охотником, – он надел драконий шлем и защиту для подборка, а затем вскочил в смазанное маслом седло.

– Мой господин, – снова запротестовал тот самурай, – хоть это может быть трудно принять, боюсь, очевидно, что госпожа Хаттори...

Кэнсин поднял левую руку. Сжал пальцы в кулак. И отдал своим людям сигнал ехать за ним.

По следам в лес.

Со своего места во главе отряда Дракон Кая медленно ухмыльнулся. С оттенком мрачности.

Его сестра не умерла.

Нет.

Для этого она слишком умна.

Золотой замок

Его Императорское Величество Минамото Масару – прямой потомок богини солнца, небесной покровительницы Империи Ва – потерялся.

В своих собственных садах, ни больше ни меньше.

Но он не беспокоился. Он не настолько потерялся, чтобы встревожиться. Сегодня он намеренно забрел слишком далеко. Ушел подальше от тех, кто кружил вокруг него, как мухи вокруг труп.

В такие дни, как этот, он частенько намеренно терялся.

Лето медленно сменяло весну. Все вокруг него цвело, воздух освежался легким бризом. Охристый закат золотил воды пруда слева от него. Волны, мягко омывающие берег, рябили, как расплавленный янтарь. Его поверхность была усыпана опавшими цветами сакуры. Бледно-розовые лепестки усеивали синевато-серую воду.

Цветы уже начали умирать. Осыпаться под тяжестью солнца.

Это было его любимое время года. Достаточно теплое, чтобы бродить по императорским садам замка Хэйан, не чувствуя угрозы холода, и в то же время достаточно прохладное, чтобы отказаться от такой обузы, как зонт из промасленной бумаги.

Возможно, сегодня вечером ему стоит рискнуть и отправиться в павильон любования луной. Сегодня небо было необычайно ясным. Звезды тоже, должно быть, будут невероятно яркими.

Он неторопливо прошел по прямоугольным ступеням, окружающим миниатюрную пагоду. Ее многоуровневые карнизы были усыпаны птичьим кормом. Цапля прохаживалась вдоль берега, предупреждая скользящего мимо черного лебедя: *«Держись подальше от моих владений»*.

Император улыбнулся сам себе.

Был ли он цаплей или лебедем?

Его улыбка исчезла так же быстро, как и появилась.

Знакомая трель прорезала тишину за его правым плечом. К нему подлетела ласточка, приземлившись на угол крошечной пагоды, ее крылья были неземного радужно-голубого цвета. Маленькая птичка надула живот и встряхнула перьями, наклоняя голову набок.

Дождаясь императора.

Император сделал два шага к ласточке. Наклонившись ближе, он приблизил левое ухо к ярко-оранжевому клюву. Маленькая птичка прильнула ближе совершенно бесстрашно. Неестественно. Ее знакомая трель превратилась в приглушенный шепот. Мелодичный вздох.

Император кивнул. Ласточка прихорошилась. И через мгновение взлетела с порывом ветра.

Исчезая в облаках в вышине.

Ни на секунду не останавливаясь, Минамото Масару зашагал от берега обратно в сторону своего замка. Спустившись по нескольким неправильным тропам, он наконец увидел самый высокий угол императорского дворца, возвышающийся над деревьями.

В такие солнечные моменты, как этот, император понимал, почему замок Хэйан часто называют Золотым замком. Море позолоченной черепицы переливалось с яруса на ярус медленно спускающимися волнами, ловящими солнечный свет. На каждом изогнутом карнизе располагались резные фигурки журавлей, рыб и тигров. Деревья сакуры росли вдоль дорожек на востоке, апельсиновые деревья окаймляли запад. Крытые галереи, ведущие от здания к зданию, были построены из кипарисового дерева, пахнущего цитрусами, и вымощены аккуратно уложенным белым гравием.

Он остановился, чтобы полюбоваться, как его замок заливают краски заходящего солнца.

Не находи он времени, чтобы насладиться этими видами, вскоре они были бы потеряны для него.

Как слезы под дождем.

Император прошел мимо гранитного монумента, стоящего на пригорке справа от него. Его взгляд остановился на развевающихся знаменах, украшающих четыре угла.

Три цветка горечавки над листьями бамбука. Императорский герб клана Минамото.

С каждым шагом его брови все сильнее хмурились.

Через несколько месяцев наступит праздник Обон²⁷. Ежегодно в этот день все жители империи возвращались в родные края, чтобы почтить память мертвых. Именно по этой же причине императору вскоре предстояло отправиться в Эдо²⁸. Очистить могилы своих предков от сорняков и почтить их едой и питьем.

Но будут ли его праотцы горды его возвращением? Или почувствуют презрение?

Император не мог ответить на эти вопросы. Пока нет. Ибо он еще не совершил всего, что намеревался совершить. Все его величайшие чаяния еще не воплотились в жизнь. Да, это правда, что он прочно удерживал власть над Империей Ва на протяжении всего своего правления. Но это была сумбурная сила – очень похожая на слабо завязанную ленту, концы которой волочатся по земле. Он не совершил и половины того, чего добился его отец, прежде чем передал ему корону; он не расширил и не усилил Империю Ва.

Ему не удалось ничего добавить к наследию своих сыновей.

В действительности кто-то мог сказать, что он оставлял империю даже в худшем состоянии. Гораздо слабее, чем она была раньше. Империю, которая будет поддерживаться теперь сильными сторонами *обоих* его сыновей.

Умом Року.

И силой Райдэна.

Странно, как все дошло до этого. Случилось, несмотря на то, что император пожертвовал столь многим, чтобы дать своим сыновьям больше. Он зашел так далеко, что даже казнил многих своих друзей детства, чтобы те не бросили вызов его власти.

Император снова остановился, как будто ветер выбил воздух из его груди. Он сделал медленный вдох. Горячие, обжигающие клещи крепко сжали его сердце. Он все еще чувствовал его, даже спустя столько времени – вес смертей его друзей всегда будет лежать на нем тяжелым бременем. Постоянным напоминанием. Но он не мог позволить себе раскатыться в своих прошлых решениях.

Это не были легкие решения.

Ни один мужчина не мог открыто бросать вызов императору Ва, даже если бы это было ради исполнения его глубочайших желаний. И его друзья, несомненно, бросили бы ему вызов. Наганори никогда не стал бы молчать, услышав последние указы императора. Его последние попытки упрочить свою власть. Поднять налоги на свои земли. Чтобы собрать то, что ему причитается. Все для того, чтобы совершить свое величайшее завоевание: начать войну за господство над морем и всей его добычей.

Да. Наганори стал бы постоянной проблемой. Он был Асано до мозга костей. Женатый на законе и его всепроникающем чувстве справедливости.

Но, возможно, Асано Наганори удалось бы вовремя взять под контроль.

Если бы не другие... что сгибали шеи менее охотно.

Такэда Сингэн.

Облако желтых бабочек пролетело над белым гравием перед ним. Вихрь воздуха подхватил их, закручивая и разворачивая внутри себя, как бьющееся сердце.

²⁷ Праздник Обон – японский трехдневный праздник поминовения усопших.

²⁸ Эдо – старинное название Токио, современной столицы Японии.

Нет. Друзья детства императора были бы слишком большой проблемой.

Лучше пусть его совет будет небольшим.

Лучше пусть это будут лишь члены его семьи. И больше никто.

Он прошел сквозь облако бабочек, заставляя их в панике разлететься.

Увы, смерть его друзей не положила конец перешептываниям у его ног. Ропоту тех, кто предпочел бы видеть человека с военными навыками у штурвала империи. Особенно в последнее время, когда император начал замечать, что пышность и величие императорского двора бледнеют. Блекнет свет чрезмерной роскоши. Ненужного излишества.

Понимание жало ему горло. Запульсировало в ушах. Величие двора было тем, что он хорошо знал. Это было величие его сына, наследного принца Ва, Минамото Року. Второго по рождению, но первого в очереди на трон.

Дело было в отсутствии величия у другого его сына, Райдэна. Первенца.

Но которому было не суждено править.

Действительно, Судьба была переменчивым зверем.

– Вот вы где, мой государь.

При звуке этого голоса императора охватило тепло. Движение, начавшееся в его костях и дошедшее до кончиков пальцев. Утешение возлюбленной. Об объятиях которой ему никогда не приходилось просить.

Но он не обернулся на оклик.

Хрипловатый женский голос добавил:

– Я так и думала, что найду вас здесь.

Он не обернулся. Императору не нужно было оборачиваться, чтобы увидеть ее лицо. Ее образ навсегда запечатлелся в его памяти. Это было лицо женщины, которую он любил всю свою жизнь. Матери его старшего сына Райдэна.

Не его императрицы. Не его жены. Но женщины, владевшей его сердцем.

Она была здесь. С ним. Хотя ему не удалось сделать ее своей императрицей, она осталась рядом с ним как его императорская супруга²⁹. Была рядом с ним и ни о чем не спрашивала.

– Ты хорошо меня знаешь, Канако, – сказал он, не глядя в ее сторону.

– Да, – ее смех был похож на музыку мягкого *сямисэна*³⁰. – Так и есть.

Наконец он повернулся к ней. Время не изменило ее так, как его. У нее была стройная фигура, а кожа гладкая, как слоновая кость. Она все еще была красива. Он всегда считал ее красивой. С того момента, как увидел, как она создает животных из материи теней, он понял, что она самая прекрасная женщина, которую когда-либо видел.

Тогда они еще были молоды. Ненамного старше его детей. И он до сих пор любил ее. А она до сих пор любила его, даже когда отец заставил его жениться на другой молодой женщине. Из богатой семьи, владеющей миллионом *коку*³¹.

Император не дотронулся до Канако, хотя и желал этого. Даже сейчас было невозможно определить, кто мог наблюдать за ними. Какие слуги докладывали какому хозяину.

Или какой любовнице.

Никто не имеет права видеть императора в минуту слабости, какой бы незначительной она ни была.

Цветы рядом стоящего дерева сакуры клонились в их сторону. Канако смахнула своими тонкими пальцами ливень лепестков, ловя несколько в хватку магии. В вихрь колдовства.

²⁹ Императорская супруга – титул женщины, занимавшей второе место (после законной супруги императора) в императорском гареме.

³⁰ Сямисэн – струнный инструмент.

³¹ Коку – единица измерения, в феодальные времена обычно была единицей измерения земли.

Почти рассеянно она заставила лепестки закружиться в медленные водовороты. В формы. Сначала дракон. Потом лев. Затем змея.

Завороженный император смотрел, как змея пожирает льва. Канако улыбнулась, ее губы изогнулись мягким полумесяцем.

– Моя маленькая ласточка принесла вам свою весть? – тихо спросила она, позволяя змее крутиться между пальцами.

Император кивнул. Ждал, чтобы услышать больше из того, что он жаждал.

– Дочь Хаттори Кано не могут найти, – продолжила она. – Она должна была прибыть сюда две ночи назад. Поговаривают, что ее конвой попал в засаду около леса Дзюкай. – Пауза. – Засаду Черного клана.

Он продолжал ждать.

Канако позволила лепесткам улететь:

– Пока неясно, жива ли девочка.

Хотя его челюсть дернулась, император осторожно кивнул. Затем он продолжил путь к своему замку.

– Ты сказала нашему сыну? – спросил он на выдохе.

– Еще нет. – Канако искоса взглянула на него, ее серо-голубое шелковое кимоно развевалось волнами у ее ног. – Пока мы не решим, что следует сказать. Что следует сделать.

Они обогнули поворот дорожки из белого гравия. Перед ними утопал в цветах павильон императрицы. Император мог услышать хихикающие женские голоса и неизменную снисходительность, пронесшуюся по рядам бесчисленных компаньенок его жены.

«Император гуляет по саду со своей шлюхой-ведьмой».

«Снова».

Он сдержал презрительную усмешку. Не показал вообще никакой реакции. Эти глупые женщины не знали ничего иного. Они были причиной того, что его правление было запятнано пятном слабости. Излишества. Все эти слащавые молодые знатные дамы и их семьи, вечно цепляющиеся за благосклонность.

Император должен был стереть это пятно. Он должен был совершить нечто, достойное его клана. Теперь он понимал – отчетливее, чем когда-либо, – как сильно ему нужна была сила обоих его сыновей, чтобы добиться этого. Неважно, насколько невероятным это казалось. Неважно, насколько маловероятно, что его жена согласится.

Ее прекрасному, послушному Року никогда не позволят работать вместе с сыном шлюхи-ведьмы.

Когда взрыв женского смеха рядом привлек его внимание, взгляд императора метнулся к крытой галерее через двор. Развевающееся розовое кимоно императрицы растеклось по белому камню, когда она низко поклонилась, а затем развернулась и пошла прочь, прежде чем он успел поймать ее взгляд.

Прежде чем он смог увидеть боль в ее глазах.

Замерший император смотрел, как его жена уплывает от него с напряженной спиной и хихикающими приспешниками в ее тени.

– Что с моей женой? – тихо спросил он Канако.

Колебание.

– Она знает. – Резкость в ее голосе могла прорезать сталь.

Император выпрямил спину. Собрал волю в кулак.

– Так значит, начало положено.

Оправданный риск

«Безрассудная». Это не то слово, которым другие часто называли Хаттори Марико.

Когда она была помладше, чаще с ней ассоциировалось слово «любопытная». Она была наблюдательным ребенком. Таким, который осознает каждый промах. Если Марико ошибалась, это обычно было намеренно. Попыткой разрушить барьеры. Или желанием учиться.

Обычно это было последнее. Стремление узнать больше.

Когда она выросла из любопытного ребенка в еще более любопытную девушку, слово, которое она чаще всего слышала за спиной, было «странная». Слишком странная. Слишком любит задавать вопросы. Слишком склонна заходить туда, где ей не положено быть.

Тот тип странности, который не принес бы ей – и ее семье – ничего, кроме неприятностей.

Она вздохнула про себя. Если все те, кто критиковал ее, увидели бы ее сейчас, они бы с радостью подтвердили, насколько оказались правы. Они бы обрадовались, увидев ее в столь бедственном положении.

И правда, то, что собиралась сделать Марико сегодня вечером, было глупо. Но ничего не поделаешь – она уже потеряла почти пять дней. Пять дней драгоценного времени, особенно если учесть, что Кэнсин шел за ней по пятам. Марико несколько раз возвращалась назад по своим следам. Даже преднамеренно уходила не туда.

Но ее брат скоро найдет ее.

И после пяти дней скитаний по деревням и заставам вдоль самой западной окраины леса Дзюкай – пяти дней тихих расспросов – и обменяв изысканную нефритовую заколку для волос, подаренную ей матерью, Марико наконец нашла ее прошлой ночью.

Излюбленную стоянку Черного клана.

«Вернее, так утверждала старая карга две деревни назад».

Добившись этой трудной победы, Марико весь вечер пряталась за ближайшим деревом в двух шагах от того места, где она сейчас сидела. Пряталась и думала, как лучше всего воспользоваться новообретенной информацией. Как лучше всего применить ее, чтобы вызнать, зачем банду головорезов послали убить ее по пути в Инако.

Когда прошлой ночью здесь не появился ни один человек в черном, Марико пришлось смириться со второй, более жестокой правдой: та старая карга вполне могла просто обмануть ее ради бесценной шпильки.

Но если бы Марико не попыталась, она бы никогда этого не узнала.

Это был эксперимент, а эксперименты всех видов интриговали ее. Они предлагали способ почерпнуть знания. Использовать их – придать им форму, изменить их – вот все, что ей нужно.

И это был эксперимент иного вида. Другой способ сбора информации. Хотя, безусловно, глупый и способный привести к катастрофическим последствиям.

Упомянутая стоянка оказалась не такой грандиозной, как представляла себе Марико.

«Что имело свой смысл. В конце концов, это не один из легендарных домов гэйко³² в Ханами».

Она улыбнулась про себя, меняя свое первоначальное впечатление. В пользу фактов.

Находящаяся в отдалении от фермы стоянка утопала в вони отходов и промозглой речной воды. Грязь просачивалась между бесформенными каменными плитами, ведущими к обветшалому навесу. Постройка была сделана из гнилого кедра и бамбука, посеревшего на солнце до цвета камня. Несколько шатких скамей и квадратных столов образовывали круг на расчищенной земле вокруг навеса. Небольшой огонь поднимался из покосившейся кирпичной печи,

³² Гэйко – гейша.

которая служила единственной стеной этого строения. Бамбуковые факелы окружали поляну, заливая все теплым янтарным светом.

По правде говоря, в стоянке было свое некое очарование, несмотря на запах, который Марико никогда не сочла бы приемлемым, прожили они хоть целую вечность. Хаттори Марико прожила жизнь, по большей части презируя шелка и роскошь, которые давало ее положение, и было некое восхитительное утешение в том, что больше не нужно было делать вид, что ей нравится что-то, что всегда казалось ей таким чуждым.

Она сгорбилась еще сильнее на своей скамье. Беззастенчиво почесала плечо. Уселась, широко расставив ноги. Заказывала все, что хотела, не раздумывая. И встречала взгляд каждого мужчины, обращающегося к ней.

Марико ждала уже четыре часа. По прибытии она заказала одну маленькую глиняную бутылку саке и потягивала чуть теплое рисовое вино из треснутой пиалы, наблюдая, как солнце склоняется за горизонт.

Теперь уже стемнело; день уступил место созданиям ночи, выползшим из своих нор.

Увы, те существа, которых искала Марико, не отличались пунктуальностью.

Она затрясла коленом под низкой доской из кривого дерева. Грубая столешница лежала на четырех неровно срезанных стволах деревьев. Если она слишком сильно наклонялась к одному концу, вся конструкция раскачивалась, как ее старая няня, бредущая на ветру. Слева от нее лошади пили из большого куска парусины, подвешенного на бамбуковых шестах, воткну-тых в землю.

Поилка, построенная как для животных, так и для их пьяных нош.

«Кстати говоря, где они?»

Чем больше времени проходило, тем больше нервы Марико были на пределе.

Медяков, которые она выиграла у пьяного крестьянина в *сугороку*³³ две ночи назад, не хватит ей до завтра, если Черный клан не появится. Возможно, сегодня вечером ей придется выманить деньги у кого-нибудь еще. Однако – хотя она и начинала понимать необходимость и ценность этого умения – Марико не обладала истинным пристрастием к воровству, даже проявляя к этому определенный талант.

Ловкость рук. Но мало чести.

То же самое воровство, из-за которого она высмеивала того человека в лесу.

Прежде чем убила его.

От воспоминаний у нее защемило внутри. Омыло щеки неподобающей бледностью. Не от раскаяния, поскольку его она не чувствовала, а скорее от жестокости самого этого действия. От хладнокровности, с которой она отняла жизнь. Это не давало ей спокойно сидеть в подобные тихие минуты размышлений. Ей было некомфортно в собственной коже.

Она сделала еще один глоток саке и подавила гримасу. Несмотря на его согревающее действие, Марико никогда не любила вкус крепкого рисового вина. Она предпочитала охлажденный *умэсю*³⁴ с его кисло-сладким сливовым вкусом. Но путешествующий солдат или бродячий крестьянин вряд ли стал бы заказывать подобное. Особенно на стоянке с подветренной стороны вонючей фермы.

Марико подняла глаза вверх. И глубоко вздохнула. Хотя ее и окружала неизвестность, это же чувство нахлынуло на нее свободой, буйной и пьянящей. Несмотря на мусор вокруг, нельзя было отрицать, что эта часть леса Дзюкай была прекрасна. Кружевные красные клены окаймляли опушку леса, со всех сторон окружая стоянку, словно мать, обнимающая ребенка. Аромат кленов наполнял воздух. Более земляной, чем острый вкус сосны. Рядом с навесом росла ива, ее поникшие ветки с непрестанной лаской стирали пыль с разбитой крыши.

³³ *Сугороку* – настольная игра в кости с передвижными фишками.

³⁴ *Умэсю* – ликер из фруктов умэ.

Марико всегда находила ивы глубоко печальными. Но при этом невероятно прекрасными.

Как только она заметила, что ветки ивы начинают новый танец – медленное раскачивание волн, – позади нее послышался внезапный всплеск движения.

Она повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как пожилой мужчина, который топил покосившуюся печь, вышел из ее тени, вытирая руки о льняную ткань, свисающую с его талии, чтобы убрать остатки золы.

– Ранмару-сама! – воскликнул он, широко улыбаясь и сверкая глазами. – А я все думал, куда вы пропали в эти последние несколько дней.

Высокая фигура, полностью одетая в черное, подскочила к пожилому мужчине и заключила его в теплые объятия. Когда голова вновь прибывшего повернулась, Марико успела разглядеть его черты.

Это был юноша ненамного старше ее!

Но его одежда была безошибочно узнаваема – черная от подбородка до кончиков пальцев ног. Даже его соломенные сандалии и тонкие носки были выкрашены в черный.

Покалывающее осознание пронеслось сквозь нее. Теперь Марико была почти уверена: она нашла члена Черного клана.

Члена банды, пытавшейся ее убить.

Ярость горячим порывом вспыхнула под ее кожей. Она крепко сжала зубы, заставляя себя оставаться неподвижной. Гнев был безрассудной эмоцией. А ей нужны были все ее силы, если она намеревалась одолеть этого юношу.

Еще больше людей в черном присоединилось к нему. Все они были без масок и сдержанны. Их неторопливый шаг говорил о них, как о тех, кому не о чем беспокоиться. Шаг пантер, сытых после недавней охоты. Еще один молодой человек и девушка, каждый не старше двадцати лет, поспешили за пожилым мужчиной, неся глиняные кувшины с саке и множество маленьких пиал, некоторые из них сильно потрепаны.

Любопытство вспыхнуло вслед за горячей яростью, все еще бурлившей в жилах Марико.

Она изо всех сил старалась не смотреть в их сторону. Чтобы создать впечатление, что ей неинтересно. Если кто-то из членов Черного клана заподозрит, что она ждала их, для нее это ничем хорошим не закончится.

Если бы кто-то заподозрил, что последние две ночи она тщательно готовилась.

Неожиданное понимание дало ей возможность вздохнуть с облегчением. Если бы Черный клан думал, что кто-то идет по их следу, он бы не пришел сюда сегодня ночью. Но Марико все равно приложила дополнительные усилия, чтобы не привлечь чье-либо внимание. По мнению банды, на круглой поляне, на их любимой стоянке, этой ночью собрались двое пожилых мужчин, играющих в Го³⁵, один неряшливый молодой пьяница, храпящий за своим столом, и какой-то грязный крестьянский мальчишка не старше четырнадцати-пятнадцати лет, с отвращением глотающий теплое саке.

Действительно, здесь не было заметно ни одной угрозы.

Прикрываясь очередным глотком саке, Марико украдкой наблюдала, как люди в черном заняли свои места за столами, ближайшими к навесу. Ее глаза блуждали с задумчивой медлительностью. С намеренной ленцой.

«Я тростник в реке, сгибающийся и плывущий по течению. На данный момент».

Что-то пронеслось мимо нее, спутав ее попытки оставаться неприметной.

Это был последний отставший. Она не разглядела его черт, когда он проскользнул мимо, но заметила несколько примечательных вещей. В отличие от других членов Черного клана, его

³⁵ Го – сложная стратегическая настольная игра для двух игроков; цель игры в том, чтобы, используя черные и белые фигуры, называемые «камнями», окружить большую территорию, чем ваш противник.

волосы до плеч были распущены. Он выглядел неопрятно. Отказался от традиционного пучка воина. Он также не носил меч. На первый взгляд казалось, что у него вообще нет при себе оружия.

Этот отставший не оказал теплого приветствия никому из присутствующих. Никто не выбежал из-под навеса, чтобы предложить ему объятия и бутылку саке. Вместо этого он быстро уселся на скамью и поправил капюшон, пряча лицо. Сложив руки на груди, он замер на некотором расстоянии от остальных.

«Человек с очевидной репутацией».

При звуке смеха глаза Марики снова метнулись к первому юноше. Тому самому, которого пожилой мужчина назвал Ранмару. Часть ее хотела сесть ближе. Оказаться в пределах досягаемости. Но осторожность требовала, чтобы она держалась подальше.

Юноша сидел так же, как и стоял – прямо как стрела. У него была мощная квадратная челюсть и широкие губы. Хотя он был гладко выбрит и улыбался – странно приветливо для предполагаемого наемника, – от него все равно отчетливо исходило ощущение силы. Очевидной силы, как у мощного подводного течения. Такого, которое может за мгновение затянуть вас в свои глубины.

Ранмару встал, шепотом переговариваясь с пожилым мужчиной, который кивнул и так же украдкой ответил.

Затем Ранмару снова занял свое главное место за шатким низким столиком в центре поляны. Марики наблюдала, что даже пока он продолжал говорить с людьми в черном, собравшимися вокруг него, он передвигал свою скамью, устанавливая ее со всей внимательностью. Внимательностью, которая ставила под вопрос бессознательный смех, срывающийся с его губ.

«Он ставит скамью так, чтобы он мог заметить, если кто-то или что-то попытается незаметно приблизиться к нему».

Несмотря на свой возраст, он был умен. Чрезвычайно бдителен. Черта, которую Марики ценила в себе. Она наклонилась, пытаясь связать голоса присутствующих с теми, что были в ее памяти.

Пытаясь подтвердить, что ее подозрения верны.

Остальные мужчины, одетые в черное, заняли свои места, окружив Ранмару, их глиняные бутылки и пиалы наполнялись снова и снова через равные промежутки времени. Глядя из-под опущенных ресниц, Марики также заметила, что – хотя он продолжал пить и шутить вместе со всеми – глаза Ранмару постоянно находились в движении.

Глаза, которые вскоре посмотрели на нее.

Марики была поражена тем, каким опрятным и чистым он выглядел. Каким... приличным. Совсем не похожим на члена печально известной банды воров и убийц. Хотя его внимание задержалось на ней не более чем на мгновение, слабый румянец пополз по ее щеке. Вскоре этот румянец коснулся висков, и Марики тут же осознала, что ее пальцы опасно сжали маленькую пиалу саке.

Очередная волна гнева. Смешанная с тем же странным любопытством. Она снова боролась с желанием оказаться в гуще событий. Потому что было гораздо безопаснее оставаться на чеку и поодаль.

Если Ранмару действительно был главарем Черного клана, то именно этот юноша был ответственен за нападение на конвой Марики. За смерть Тиё и Нобутады и бесчисленное множество других жизней, потерянных в темном лесу всего пять дней назад.

Она поднесла саке к губам и зажмурила глаза. Хотя Марики точно знала, что не выглядит угрозой, она не могла позволить кому-либо из членов Черного клана задерживать на ней взгляд слишком долго. Изучить ее и обнаружить врага. Или, что еще хуже, найти призыв.

«Сосредоточься на поставленной задаче. Но никогда не забывай».

Теперь наступала самая трудная часть.

Теперь пришло время претворить ее размышления в жизнь.

Марико провела большую часть последних ночей, свернувшись под шерстяным одеялом. В планах, подернутых дымкой гнева. Последние несколько дней она вела жизнь бедного бродяги. И хотя было до странности умиротворяющим не отвечать ни перед кем, кроме себя, она продолжала ясно помнить свою цель. Каждую ночь она делала осторожные вдохи под своим одеялом, пахнувшим железом и грязью, а на ощупь кажушимся еще хуже. Один из многих предметов, которые она украла из конюшни уютной фермы в соседней провинции.

Попона для лошади. Из конюшни.

Она забралась на ее чердак и уснула среди несвежих стогов сена. Единственный раз, когда Марико сделала паузу в своих поисках стоянки Черного клана, было, когда она стирала украденную одежду в ближайшем ручье, оттирая засохшую кровь и затхлый запах пота, пока костяшки пальцев не стерлись до крови.

Все ее усилия вели к этому. Ради этого она рискнула всем.

Поставила все на свою способность расположить к себе Черный клан. Угостить одного из самых низших его членов едой и питьем, подружиться с этим несчастным, чтобы перейти к более крупной добыче. К тому, кто мог бы указать Марико направление, в котором она столь отчаянно нуждалась ради сохранения неприкосновенности чести своей семьи и доказательства своей ценности за пределами брачного рынка.

Доказательства, что ее ценность выше, чем у простой девушки.

Конечно, все зависело от того, что Черный клан никогда не узнает, что на самом деле она была его предполагаемой мишенью. Все это было невероятно пугающим. До мрачности увлекательным.

Ее родители были бы в ужасе.

Кэнсин, несомненно, не одобрил бы это.

Марико продолжала внимательно изучать Черный клан. Группа из двадцати или около того мужчин всех возрастов окружала Ранмару – юношу, в котором она подозревала их главаря, несмотря на то, что он был удивительно молод. На это указывало все: от его естественного поведения до их естественного почтения.

Она расправила плечи и хладнокровно оценила присутствующих, сосредоточив внимание на самых сговорчивых: самых молодых и самых старых членах банды.

Тех, что скорее всего больше всех нуждаются во внимательном собеседнике.

Справа от Ранмару стоял одноногий мужчина средних лет, балансирующий на грубой искусственной конечности. Увы, этот человек не был хорошей целью: он тоже казался слишком наблюдательным, его пальцы барабанили по любой твердой поверхности в пределах досягаемости. На одном бедре у него крепилось несколько маленьких ножей разного размера и формы. На другом висел мешочек, из складок которого выглядывали высушенные листья. Повар, рискнула предположить Марико. Или местный отравитель Черного клана. Как бы то ни было, ей требовалась гораздо более сговорчивая цель, чем он. Все повара, которых Марико встречала за свою короткую жизнь, старались подмечать даже самые незначительные детали. Стремилась понять основную составляющую всех вещей.

Другой юноша, помладше, примерно ее возраста, тоже был неподходящим вариантом. Он двигался хаотично, нерешительно отираясь с краю, верхушка его в остальном безупречного пучка торчала дыбом. Его глаза смотрели на остальных как-то мрачно. Почти свирепо. Все еще оглушенная прошлым, Марико не была готова и не хотела выслушивать его.

Отставший парень, спящий на скамье, вероятно, был самым достойным выбором. Если бы она смогла убедить его выпить, что при нынешнем раскладе казалось маловероятным. Его грудь вздымалась и опускалась в ритме полного расслабления. Возможно, только упавшая с неба наковальня смогла бы разбудить его. А может, и у нее бы не вышло.

С краю другой молодой член Черного клана изучал листья на ближайших деревьях с таким спокойствием, что Мариико была уверена, что он вышел прямо из истории, которую ей когда-то рассказывала мать, – сказки о мальчишке, который плыл по небу, подхватываемый ветром с помощью зонтика из промасленной бумаги. Его лицо было гладким и блестящим, почти как галька, мерцающая под поверхностью ручья.

Мариико так стремилась разузнать как можно больше о присутствующих, что не заметила, как пожилой мужчина навис над ней, пока тот не наклонился почти к уровню ее глаз, а от его морщинистой кожи исходил запах горящих углей.

– Еще одну? – грубо спросил пожилой мужчина. Оказалось, что его доброжелательность относилась только к Ранмару и его банде головорезов.

– Я... – Мариико сделала паузу, чтобы прочистить горло. Чтобы понизить тон своего голоса. – Да.

Мужчина поджал губы, отчего вокруг его рта образовались расходящиеся линии, делая его похожим на осуждающую клетку.

– Вы в этом точно уверены, молодой человек?

Мариико тут же приняла, как она надеялась, очевидно мужскую позу. Она вытянула позвоночник. Склонила шею вправо, как будто смотрела себе под нос. В этот благословенный момент она была рада тому, что выше большинства девушек своего возраста. Рада, что не была такой хрупкой.

– Конечно, уверен. Разве ваше дело не в том, чтобы продавать вино?

– Тем, кто любит выпить, да. – В глазах старика вспыхнул озорной блеск.

Мариико моргнула:

– А я и люблю. – Боковым зрением она заметила, как юноша со свирепыми, почти убийственно смотрящими глазами приблизился, выражение его лица было напряженным.

Старик расхохотался:

– В тебе, может, и много воды, парень, но это не делает тебя хорошим сказочником. Твои губы плохо складывают слова. Они не принимают ту форму, что должны. Тебе следует больше практиковаться.

Вода? Ей всегда не хватало текучести, чтобы быть водой. Природной грации. Ее мать утверждала, что в ней слишком много земли. Что она была слишком приземленной. Слишком упрямой. Почти как камень, наполовину похороненный под землей. Если Мариико и могла принимать форму чего-то помимо земли, то это ветер – временами разрушительный и всегда невидимый.

Ни дня в своей жизни она не была водой.

– Вы ошибаетесь, – хрипло сказала Мариико. – И насчет воды, и насчет выпивки.

– Акира-сан редко в чем-то ошибается.

Мариико замерла. Сначала она не хотела оборачиваться. Потом передумала.

Сейчас не время для нерешительности любого рода. *«Смерть следует за нерешительностью, словно ее искривленная тень»*. Это слова ее брата. Она слишком часто прислушивалась к голосу осторожности.

Хотя она не смогла сразу связать этот голос с кем-то из своих воспоминаний о той ночи, Мариико знала, что он принадлежал лидеру Черного клана. Ранмару.

«Далеко не самый податливый член банды. Но если я смогу упростить себе жизнь и не искать обманом его благосклонности...»

В то мгновение, когда Мариико повернулась к нему лицом, Ранмару оказался в поле ее зрения. Она снова ощутила упругую силу, словно спираль, готовую развернуться.

– Если Акира-сан говорит, что ты вода, значит, ты вода, – продолжил он.

Правое плечо Марико приподнялось, подражая Кэнсину, когда тот не хотел отвечать на ее постоянные вопросы. Она оставалась внешне равнодушной, хотя ее пульс участился, стуча в горле.

– Если это принесет мне еще одну бутылку саке, я готов быть и водой.

Он многозначительно улыбнулся.

– Позволь мне. – Он протянул руку в сторону, даже не взглянув по сторонам. Мальчик с торчащим пучком и свирепым взглядом передал ему свою бутылку спиртного прежде, чем Марико успела моргнуть.

«Почему они так неукоснительно подчиняются ему?»

Ранмару наклонился ближе, и Марико уловила слабый запах сосны и стали. Твердыми руками он налил тонкой струйкой рисовое вино в ее пиалу. Руками, которые были удивительно чистыми. Руками, от которых Марико захотелось спрятать собственные грязные пальцы в складках несуществующего кимоно.

Как только это осознание пришло к ней, Марико восстала против него. Восстала против побуждения вести себя как приличная молодая девушка, какой ее вырастили. Дрожащими руками она подняла пиалу в приветственном жесте, а затем одним глотком осушила ее содержимое.

Конечно, в следующий момент она закашлялась от жара. Надрывно, неприятно. Мужчины за спиной Ранмару разразились хором хриплого смеха. За исключением мальчика с убийственными глазами. Марико содрогнулась при мысли о том, что он мог бы найти забавным.

Коробку с парализующими скорпионами? Банку с ядовитыми змеями?

– Этот коротышка не может справиться с собственной выпивкой, – выдавил сквозь смех дородный мужчина с руками размером с сосновую ветку и в косодэ из полированной черной кожи. Несмотря на оттенок веселья, взгляд, который он бросил на нее, граничил с пренебрежением. Безразличием.

В ней снова вспыхнуло беспокойство. Если Черный клан сочтет ее недостойной своего внимания, Марико потеряет эту драгоценную возможность расположить к себе их главаря.

Лидера мужчин, обвиняемых в попытке ее убить.

Но она не умела с легкостью притворяться кем-то другим. И она не умела пить. Она также не была опытным бойцом. На первый взгляд она вообще не была опасным врагом. Марико была... странной. Любопытной. Умной. Возможно, слишком умной, как всегда говорил ее отец. Эти слова никогда не были комплиментом, хотя она всегда принимала их за таковой.

Но, возможно, так было даже лучше. Эти мужчины не хотели бы видеть Марико странной, любопытной или умной. Это были черты, которые подстегнули бы беспокойство насчет любого незнакомца. Возможно, лучше было бы, если бы она оделась кем-то другим. Одним из тех неуклюжих дураков, что отчаянно нуждаются в руководстве. Отчаянно нуждаются в указаниях прославленного Черного клана.

Что угодно, лишь бы они оставались у нее на крючке.

Марико отставила свою пиалу, затем откашлялась, постукивая по груди и заставляя нервы успокоиться. Она робко улыбнулась Ранмару.

– Недавно я ушел из дома, чтобы поискать счастья в дороге. Но я еще недостаточно времени провел в подобных местах. Я очень благодарен за выпивку. Позвольте мне вернуть долг? – Ее улыбка стала шире. – Тогда, возможно, я смогу научиться у вас, как лучше наслаждаться такими вещами.

Ранмару смотрел, как Марико снова наполняет свою пиалу, его взгляд был задумчивым, а широкие губы поджаты в одну сторону.

– Хотя обычно я бы...

В этот момент в подлеске на опушке леса раздались громкие шаги, нарушив мир в кленовой роще напротив.

– Такэда Ранмару! – Громадный мужчина, почти на три головы выше всех присутствующих, крикнул в ночное небо. – Я больше не собираюсь мириться с этим оскорблением ни дня!

Ранмару выпрямился. Люди за его спиной молча встали. Неподвижно замерли.

Мгновение прошло в тишине. Мгновение, пронизанное напряжением. То, что предназначалось для того, чтобы склониться перед мечом.

– Тогда, ради бога, излагай свои жалобы. – Улыбка Ранмару была широкой. Безмятежной. – И тогда мы *оба* ответим за последствия.

Упасть вперед, чтобы продолжать двигаться

Такэда.

Марико знала эту фамилию.

Она пронеслась сквозь ее сознание, вызывая в памяти поблекшее воспоминание.

Воспоминание о безмолвно плачущем в небеса мальчике посреди обагренной кровью площади.

– Последствия? – С выражением насмешливого недоверия огромный мужчина шагнул к Ранмару. Гром в его голосе разметал воспоминания Марико, прежде чем они успели окончательно обрести форму.

В своей мясистой правой руке великан держал огромный *канабо*³⁶. Он взмахнул гигантской дубинкой в свете ближайшего факела.

– Ты думал, я не узнаю, что это был ты? – Металлические шипы на одном конце канабо тускло блеснули. – Неужели ты думал, что мы не придем искать возмездия? – Он кивнул на людей за своей спиной. На их разнообразное оружие. Эти люди были именно такими, какими Марико представляла себе толпу головорезов. Бородатые. Немытые. Неотесанные.

Полная противоположность Черному клану.

На самом деле Марико поставила бы все свои медяки – даже целый золотой *рё*³⁷ – на то, что заблудшая душа, которую она убила в лесу пять дней назад, могла знать этих незваных гостей.

Возможно, была даже хорошо с ними знакома.

Ее беспокойство резко усилилось. Она оглянулась на Черный клан. Внутри нее продолжалась безмолвная война: одна половина желала оставаться в гуще событий, а другая хотела наблюдать издалека.

Ранмару был все таким же расслабленным. Его руки висели по бокам, его поза казалась спокойной. Как будто великан с шипованной дубиной не ступил в его мир, намереваясь избить его до кровавого месива.

– Ты слышал меня, ронин?³⁸ – Гигант выплюнул последнее слово, швырнув его в воздух будто ядовитое проклятье.

Ронин.

Еще больше разбросанных кусочков воспоминаний соединились в сознании Марико.

Вот причина надлежащего, почти благородного поведения Ранмару.

Такэда Ранмару был самураем без хозяина. Или сыном попавшего в немилость самурая из знатного рода. Он был частью мира Марико – или когда-то к нему принадлежал. Судя по его возрасту, это не могло быть давно.

И снова перед глазами возник образ мальчика ненамного старше ее, стоящего рядом с коричневыми от крови камнями. Затем он расплылся, словно отражение, плывущее по пруду.

Марико прищурилась, глядя на ронина. Внезапная мысль заинтриговала ее своей нелепостью.

«Благородный вор. Наемник самурайского происхождения».

Хотя Ранмару продолжал казаться невозмутимым, она увидела, как его правая рука дернулась, как будто ему не терпелось схватиться за меч.

– Я услышал тебя. – Ранмару отклонился назад на пятки – вновь показывая спокойствие, – его слова были насмешливым заявлением. – Оба раза, ты, неуклюжий гигант.

³⁶ *Канабо* – разновидность палицы или дубинки с шипами.

³⁷ *Рё* – валюта Империи Ва, монета.

³⁸ *Ронин* – самурай без хозяина.

Великан фыркнул. Он снова взмахнул своим канабо. Тот разрезал воздух с пронзительным свистом.

С несомненной угрозой.

Марико еще ниже сползла на своей скамье.

Все это не закончится хорошо.

Ей следует уходить. Меньше всего ей хотелось стать сопутствующей потерей в потасовке в таверне. Но этот проклятый мальчишка с убийственным взглядом продолжал пристально смотреть на нее. Ей было трудно трезво мыслить.

Мужчины, ранее стоявшие позади великана, выстроились в линию, вставая плечом к плечу по обе стороны от своего главаря. Оружие каждого было покрыто слоями засохшей крови.

Они... явно не были настроены на переговоры. Марико уловила отчетливый звук всасываемого сквозь зубы воздуха, словно в предвкушении острых ощущений. Когда ее взгляд упал на одного из ближайших к ней головорезов, она осознала, что это за чувство, хотя раньше лишь слышала о нем.

Кровожадность.

Голод, который нельзя утолить ничем, кроме убийства.

Ее сердце застучало быстрее.

Ранмару вздохнул. Марико отметила, что, хотя его люди и не шагнули вперед в ответ на угрозу великана, многие взяли за свое оружие. Готовые и жаждущие нанести удар. Защитить своего главаря. Самурая без хозяина.

Ронина.

«Странно, что к ронину относятся с такой преданностью. К парню, который за деньги готов убить невинную девушку».

Она сделала медленный вдох, замедляя скорость своего пульса. Ее решимость вновь окрепла. Закалилась, как сталь в несколько слоев, обретающая форму вновь и вновь под раскаленным пламенем в течение бесчисленных дней и ночей.

До тех пор, пока ничто не сможет сломать ее.

«Я буду тростником в потоке. Тростником из многослойной стали».

Даже если люди Ранмару считают его достойным восхищения, Марико никогда так не подумает.

Тиё.

Нобутада.

Этот юноша заслужил, чтобы его подвесили вниз головой и утопили в бухте Эдо. Опозоренным, выставленным на всеобщее обозрение.

Как только эта идея сформировалась в ее сознании, одноногий мужчина, ранее стоявший справа от Ранмару, встал между юношей и неуклюжим гигантом, кладя свои беспокойные кончики пальцев на рукоять кинжала. Еще несколько человек перестроились, чтобы скрыть своего главаря от глаз чужаков. Чтобы принять на себя любые удары, которые могут предназначаться ему – с верностью самурая своему господину. Как бы Марико ни старалась, она не могла понять, откуда такое почтение.

Особенно среди убийц и воров.

Пока члены Черного клана готовились к битве, Марико вспомнила слова своего наставника. Он был ученым из Кисуна, хорошо разбирающимся в алхимии и металлах. Любителем античной философии.

Однажды зимним днем, когда им было по десять лет, Марико услышала слова наставника, сказанные Кэнсину, которые глубоко запали ей в сердце. Которые заставили ее в недоумении ворочаться без сна большую часть ночи после.

«Иногда нам приходится падать вперед, чтобы продолжать движение».

Тогда Марико не поняла смысла. Только недавно она начала осознавать его.

Если оставаться неподвижным – оставаться непоколебимым, – то это все равно что умереть.

«Смерть следует за нерешительностью, словно ее искривленная тень».

Падай вперед. Продолжай двигаться. Даже если сначала тебе придется подняться на ноги.

Вот что, должно быть, сделал этот молодой ронин. Упал вперед, чтобы продолжить движение.

Прямо в варварскую жизнь.

Разгоряченный обмен оскорблениями вырвал Марико из мыслей. Мужчины с обеих сторон подошли ближе. Сократили расстояние еще больше. Люди гиганта впадали в медленное безумие.

Заряд собрался на поляне. Похожий на то чувство перед летней грозой. Вспышка света, расчертившая ночное небо. Всплеск магии, пронзающий воздух.

Когда великан сделал угрожающий шаг в сторону Ранмару, все члены Черного клана одновременно двинулись. Все – заметила Марико, – кроме парня, который все еще спал на скамье. Очевидно, наковальня еще не упала.

– Это начинает надоедать. – Ранмару сделал шаг к мужчинам, застывшим перед ним в защитной позе. Они расступились, пропуская его. Некоторые обнажили мечи, их лезвия сияли голубым и оранжевым в свете факелов. – Если я правильно помню, я уже послал сообщение через одного из твоих, – он дернул носом, – *людей*. Поскольку мы не знали, что та застава оказалась под твоей властью, я предложил возместить вам точную сумму потерянных денег. Ты же потребовал большего. Что бы ты ни делал, ты этого не получишь. Даже ты должен понимать... что рука гнется только внутрь. – Он говорил праздным тоном, хотя Марико заметила, как сверкнули его темные глаза.

– Это оскорбительно! – прошипел тощий мужчина с лицом стервятника. – Вы запятнали наше имя, украв наш заработок, и теперь думаете, что пары медяков, брошенных в грязь, будет достаточно?

– Я не пятнал ваших имен.

– Запятнал!

Ранмару нахмурился:

– Я уверен, что нет.

Интересно. Марико не могла не подумать, что это сражение слишком сильно напоминало детскую ссору. Подобно тем, что происходили между ней и Кэнсином много раз. Из-за таких мелочей, как последняя сладкая рисовая лепешка.

– Поскольку ты не хочешь отдавать нам то, что должен, то заставляешь прибегнуть к подобным мерам, – продолжал шипящий стервятник. – Заставляешь нас схватить и отвести тебя к ближайшему *даймё* и забрать награду за твою голову.

Ранмару снова вздохнул. Вздох был очень длинным и медленным.

– Если ты думаешь, что даймё с радостью выдаст пятьдесят рё и улыбнется, а вы с триумфом уйдете, то глубоко ошибаешься.

– Хватит этой глупой болтовни! – проревел великан. – Либо иди с нами сейчас, либо нам придется убить всех твоих людей, а тебя все равно взять в плен.

Безрадостная улыбка скользнула по лицу Ранмару.

– Если вы хотите что-то получить, то вот вам мой совет, – сказал он. – Он бесплатный, но только на этот раз: лучший способ выиграть бой – это избежать его.

– Слова вороватого труса.

Ранмару усмехнулся:

– Что бы вы обо мне ни думали, я верю в честь среди воров. И я думал, что мы все согласны в одном: враги – это они, а не мы друг другу.

Гигант сплюнул, его бровь все еще была изогнута в замешательстве.

– Это все вранье.

Когда великан перекинул канабо через плечо, готовясь нанести удар, Ранмару поднял руку. Мгновенно останавливая смертельный замах.

– Я пойду с вами при одном условии, – сказал он. – Давайте устроим поединок. Если выиграешь ты, я без сопротивления пойду с вами. Если выиграю я, то вы уйдете и больше никогда не вернетесь в эту часть леса. В противном случае вы умрете. – Последние слова были произнесены с такой резкостью, какой Марико до этого не слышала в голосе Ранмару.

С резкостью, от которой по спине побежали мурашки.

Великан ухмыльнулся:

– Ты хочешь сразиться со мной? – Его грудь взмыла, как сладкий бобовый пирог.

– Лучший против лучшего, – кивнул Ранмару.

Смех великана напомнил о собаке, которая подавилась костью. Марико тяжело сглотнула. Как только его хохот стих, великан закинул свой канабо себе на плечи. Пальцы свисали с обоих концов. Он согнул их один раз. Второй.

– Я собираюсь хорошенько повеселиться, ронин. Может быть, даже больше, чем когда буду наслаждаться золотом, которое получу за твою голову. – Пока он говорил, великан сделал шаг в сторону, оценивая свою добычу.

Ранмару не обнажил ни один из клинков на своем левом бедре. Вместо этого его ноги машинально двинулись, копируя движения противника, словно кружась с ним в смертельном танце.

После того как он и великан сделали три шага по кругу, Ранмару остановился. Запрокинул голову. И расхохотался.

Рябая бровь великана дернулась.

– Я только что осознал, – Ранмару сделал паузу, словно все еще обдумывая мысль, – ты решил, что будешь сражаться со мной.

Его глаза сузились, а великан тяжело выдохнул.

– Что? – Это было столкновение воздуха и звука.

– Я же сказал: «Лучший с лучшим», – усмехнулся Ранмару. – С чего ты взял, что я говорил о себе? – Он попятился, его тело ни разу не повернулось спиной к противнику. Эти движения казались частью его натуры.

Доказывая, что никто никогда не стоял за спиной Такэды Ранмару.

Марико сдержала желание оцетиниться. Ее очень беспокоило то, что она не могла отчетливо вспомнить голоса мужчин около ее норимоно в ту ночь, когда на ее конвой напали. Их голоса были слишком приглушены, а ее нервы слишком напряжены.

Но она была уверена, что один из них *должен* принадлежать главарю Черного клана. Столь же уверена, как в том, что солнце восходит на востоке. Такэда Ранмару и его люди были посланы убить ее. И Марико намеревалась приложить все усилия, чтобы узнать почему.

Она прищурилась, глядя на непоколебимого юношу перед собой.

«Какая жалость, что ты еще не осознал, что другой враг просто поджидает тебя в тени, ронин. Может быть, не самый опасный, тем не менее куда более хитрый, чем неуклюжий гигант перед тобой».

Марико еще раз оценивающе взглянула на других членов Черного клана.

Некоторые из них выпрямились после заявления Ранмару. Затем по их глазам пробежала коллективная рябь веселья, за исключением глаз юноши со свирепым взглядом и неряшливым пучком волос. До сих пор его глаза ни разу не оторвались от лица Марико. Но сейчас даже он отвлекся – не в силах скрыть своего предвкушения, он облизнул губы, высовывая кончик языка.

Марико могла с легкостью поверить, что этот юноша лучший в Черном клане.

Его глаза кричали о жажде убийства каждым своим взглядом. За его спиной сплелись два изогнутых меча. Такие, которые, как знала Марико, можно было соединить в один и одним взмахом отделить голову от тела.

Как только она убедила себя, что этот мальчик и станет противником гиганта, тот тоже отошел в сторону.

Только Ранмару продолжал наблюдать за великаном. Его выражение лица представляло собой странную смесь жесткости и мягкости. Наказания и жалости.

Черный клан единодушно уставился назад, за свои спины – на своего ленивого товарища, все еще крепко спящего на скамейке.

Незаслуженное благословение

Кэнсин почувствовал вонь тела прежде, чем увидел его.

Приторно-сладкий запах, смешанный с вонью разлагающейся плоти. Он застрял в самой верхней части его горла, обостряя его чувства.

Заставляя его сердце грохотать в груди.

Его сестра не умерла. Мариико не могла умереть.

Он не позволит этого.

Кэнсин решительно продолжал свою медленную охоту через затемненный подлесок леса Дзюкай. Продолжал искать следы сестры.

Затем в колючих зарослях терновника у подножия сосновой рощи Кэнсин наткнулся на источник запаха. Тело грязного человека, гниющее в подлеске. Без одежды, если не считать замызганной набедренной повязки.

От этого осознания его сердце замедлило свой бег. Кэнсин присел рядом с мертвецом, выискивая любую деталь, какой бы незначительной она ни казалась.

В третий раз за эту ночь он был рад, что оставил своих людей в импровизированном лагере. После почти двухчасовых поисков он оказался в глубине леса Дзюкай. Если бы он не позаботился и не отметил деревья по пути, дорога обратно в лагерь могла бы быть опасной.

Несмотря на их заверения в обратном, Кэнсин знал, что никто из его людей не может расслабиться под сенью Дзюкая. Три их лошади уже убежали. Непоколебимым оставался только его гнедой конь Канэ. Шепот ёкаев все время преследовал их по пятам. Сам Кэнсин еще не встречал ни одного лесного демона, но – как это часто происходило – история одного человека быстро превращалась в рассказы множества других. Одна-единственная история о безголовом олене, промелькнувшем сбоку от кого-то. Одна-единственная встреча с серебряной змеей с женской головой.

Достаточно одной истории. Суеверия быстро становились правдой в ночи призрачных вздохов и зыбких теней. Кэнсин знал, что может приказать своим людям следовать за ним. Заставить их подчиняться каждой своей команде. Но ему было гораздо легче пойти в одиночку. Как и его отец, он ни с кем никогда не советовался, какого бы уважения ни заслуживал тот человек. Он также не собирался развеивать ничьи страхи. Кэнсин знал, что лучше даже не пытаться.

Сдерживая отвращение ко всей этой бессмыслице, Дракон Кая покосился на тело, лежащее на спине на лесной подстилке. Кожа мужчины растянулась. Раздулась от первых следов разложения.

В щели на его горле копошились личинки, их крошечные тельца были цвета рисовой пасты. Один глаз мужчины был проткнут небольшим оружием. Каким-то узким лезвием.

Нет.

Кэнсин наклонился ближе.

Не оружием.

Он потянулся, чтобы ухватиться за кусочки нефрита, свисавшие с его конца.

Черепашья шпилька. Которую он мгновенно узнал.

Во второй раз за эту ночь – слишком много совпадений – Кэнсин почувствовал, как под его кожей шевельнулась волна беспокойства.

Если глаз этого человека проткнули именно этой шпилькой, то не было никаких сомнений, кто это сделал. А это означало, что его сестру заставили выйти за пределы благоразумия. Кэнсин знал, что Мариико не может выйти из себя по прихоти. Он также знал, что она не склонна к насилию. Его сестра всегда руководствовалась разумом, не поддаваясь эмоциям.

Если Мариико убила этого человека, тот, несомненно, заслужил это. Чем именно он это заслужил, Кэнсин мог только догадываться.

Мог только представить.

Волна беспокойства переросла в полномасштабную ярость.

Такая чистая смерть. Такое незаслуженное благословение.

Если бы Кэнсин был здесь, этот человек пострадал бы гораздо сильнее.

Его грудь прижалась к нагруднику, когда он сделал успокаивающий вдох. Время для гнева давно закончилось. Теперь гораздо важнее была необходимость действовать. Кэнсин опустился еще ниже на корточки, возобновляя поиски в подлеске. Когда его ладонь скользнула по кустам, задевая края ласточкиного гнезда, его пальцы наткнулись на то, что на первый взгляд казалось клубком тонких темных нитей.

Когда Кэнсин поднес руку к лунному свету, он увидел пряди черных волос, закрученных вокруг костяшек пальцев.

По подлеску были разбросаны волосы его сестры. Было ясно, что кто-то пытался спрятать их под кустами терновника, но эта попытка обернулась неудачей из-за когтей самых находчивых лесных существ.

Он беззвучно выпрямился. Пряди волос соскользнули с его пальцев, исчезая во мраке. В нем вспыхнуло недоумение.

Затем его взгляд снова упал на тело у его ног. На тело мертвого, раздетого мужчины.

Кэнсин поднял голову. Его взгляд смягчился. Это заняло у него не больше мгновения. Не более секунды на понимание. Он протянул руку и выдернул черепаховую шпильку из гниющего глаза мужчины.

Затем он подошел к своей лошади.

Чтобы вновь направиться по следу.

Девушки, переодетой в мальчишку.

* * *

Он не заметил пары желтых глаз, следящих за ним.

Выбор

Брови Марико нахмурились в замешательстве.

«Этот ленивый парень не может быть лучшим воином Черного клана».

Словно в ответ на ее мысли, ленивый парень, о котором шла речь, вдохнул с преувеличенной медлительностью. Как будто он был ужасно раздражен. Как будто такое простое действие, как вдох, требовало слишком много усилий. Он сбросил капюшон, скрывающий его лицо, затем встал, томно потянувшись, как бродячий кот.

Взмахом левой руки откинул длинные пряди волос со лба. Затем прочистил горло.

Теперь его обзор был свободен, и юноша повернулся к своей добыче. Повернулся так, чтобы оказаться в поле зрения Марико. Ее замешательство усилилось, когда она увидела его лицо.

Юноша был высоким и худощавым. Тело, скроенное из углов и сухожилий. Диагональный шрам проходил через центр его губ. Он вяло моргнул, как будто пытался выйти из ступора, его прикрытые тяжелыми веками глаза открылись, а затем закрылись. Снова открылись и закрылись. В такой напряженный момент – когда на карту была поставлена его жизнь – Марико не могла уловить выражение его лица: оно было таким же вялым, как и его поведение. Что не соответствовало лицу из острых углов и изящных склонов.

Лицу, полному противоречий.

Потянувшись еще и в другую сторону, юноша уставился на толпу мужчин с оружием справа от него. Затем размеренным шагом направился к великану.

Он шагал как будто интуитивно – это была походка молодого человека с естественным пониманием того, что его окружает. Даже если вдруг на них обрушится порыв ветра или с неба упадет ветка дерева, маловероятно, что это застигнет юношу врасплох.

То, как он двигался, очень напомнило Марико Кэнсина. Это означало, что, несмотря на расхлябанное поведение этого парня, он вполне мог оказаться грозным противником. Брат Марико большую часть своей жизни изучал боевые искусства. Она знала, что подобное врожденное мастерство не даруется случайно.

Да. Возможно, этот юноша может одолеть великана. В случае, если он обеспокоится тем, чтобы найти оружие. При нем по-прежнему не было ни одного клинка.

Когда юноша остановился возле собравшихся, Марико поняла еще кое-что важное. Хотя то, как двигался этот юноша, походило на Кэнсина, между ними была и очевидная разница, которая заставила Марико скорректировать свое предыдущее впечатление о парне. Ее брат двигался всегда точно, каждый его шаг был с явным намерением. Этот мальчишка не делал никаких шагов.

Он скользил, как акула в воде.

И, как море, члены Черного клана расступились в стороны, когда юноша встал перед великаном.

Напряжение, начавшее собираться ранее, снова накалило воздух.

Хотя гигант был явно озадачен подобным поворотом, он принялся размахивать своим канabo из стороны в сторону. Стремясь напугать своего нового противника очередной демонстрацией бравады.

Когда юноша не отреагировал – и даже не попытался увернуться, – великан нахмурился.

– Разве тебе не нужно оружие? – проворчал он.

Молодой человек покачал головой. Зевнул еще один раз.

– Нет. – Он повел плечами. Размял шею.

Гигант фыркнул:

– Наглый дурак.

– Не наглый. – Юноша небрежно почесал подбородок. – Просто меткий.

Великан снова рассмеялся, побуждая своих людей присоединиться к его веселью. По их рядам прокатился напряженный смех. Однако это мало повлияло на общее настроение. Или, во всяком случае, лишь ухудшило его.

Пульс Мариико участился. Если эта драка перерастет во что-то большее, чем просто взаимное позерство, вполне возможно, что она никогда не получит ответы на свои вопросы. Никогда не избавит свою семью от чрезмерного унижения. И никогда не докажет свою ценность вне рынка невест.

Она также, вероятно, могла погибнуть.

Да. Это тоже был факт, который она прекрасно осознавала.

Ее знания о том, как выиграть бой, были чисто теоретическими. Драка с пьяницей в лесу подтвердила одно: главным козырем Мариико в любой ссоре был ее ум. И даже с этим преимуществом ей едва удалось победить мужчину, сильно обремененного спиртным. Она подозревала, что в реальном бою против опытного воина у нее не было бы и шанса. А у мужчин любого рода, как Мариико всегда считала, грубая сила играла наибольшее значение.

Но в битве умов?

Это может быть игра как мужчины, так и женщины.

Мариико взвесила свои варианты. Стоит ли ей бежать или оставаться на месте?

«Я должна просто спрятаться и посмотреть, как эти дураки убивают друг друга».

В этом может быть определенное удовлетворение.

Но если это произойдет, она никогда не узнает, кто замыслил ее убить.

И почему.

Резкий свист размахиваемого в воздухе канабо вырвал ее из мыслей. Она моргнула, фокусируясь на бое, – как раз вовремя, чтобы увидеть, как ленивый воин увернулся от первого удара великана. За долю секунды до него. Порыв ветра от оружия бросил волосы юноши ему в лицо.

Великан рассмеялся:

– Слишком медленно.

Легкая улыбка тронула перерезанные шрамом губы юноши. Как будто он мог разделять радость великана. Разделять его не польстившее ему же мнение. Как только Мариико начала обдумывать такую вероятность, она заметила, как что-то в теле воина изменилось.

Он начал дрожать.

«Он... боялся?»

Предвкушение охватило ее существо. Она пыталась подавить растущее любопытство. Растущий интерес. Нет. Происходящее не должно было развлекать Мариико. Это бы означало, что ее легко отвлечь. А она отказывалась умирать на стоянке сегодня ночью.

Осторожно, не привлекая ничье внимание, Мариико поднялась на ноги, все еще крепко сжимая свою маленькую пиалу с саке. Стараясь не делать никаких резких движений, которые могли бы привлечь к ней внимание.

Гигант яростно взмахнул своим канабо, ударяя с левой стороны. Когда он выпрямился, кончик дубины задел плечо юноши. Мариико рефлекторно вздрогнула, когда молодому человеку едва удалось избежать полного удара. Он покатился по грязи – прочь от великана, – затем перевернулся и поднялся. Как только он выпрямился, то заметил дыру в рукаве своего черного косодэ. Он извергнул серию ругательств, которые Мариико слышала только от самого последнего конюха в моменты сильной досады. Злые, вульгарные слова, которые заставили бы ее мать ахнуть в ладони, а отца предупреждающе кивнуть своим подчиненным.

Юноша крепко вцепился в свое обнаженное плечо, поморщившись от боли, когда кровь потекла по его пальцам. В то время как его тело затряслось еще сильнее.

И *это* лучшее, что мог предложить Черный клан?

Как этому ленивому дураку удалось победить Нобутаду?

Казалось, все, что Мариико пережила за последнюю неделю, превратилось в какую-то шутку.

Она нахмурилась, поджимая губы.

Если эта битва была просто шуткой, то Такэда Ранмару, очевидно, проиграет свой спор.

А Мариико не была готова и не хотела видеть, как он проигрывает кому-либо, кроме нее.

Она ждала, что кто-нибудь из Черного клана придет на помощь мальчишке или положит конец этой пародии на бой. Она бросила лишь один взгляд и поняла, что никто из банды, похоже, ничуть не беспокоится за своего товарища, который рискует вот-вот отдать жизнь за своего главаря.

Люди в черном продолжали стоять по обе стороны от боя. Совершенно спокойные. Ранмару потянулся за своей выпивкой. Словно он и вовсе не интересовался сражением. Одноногий повар оперся на свой бо, изучая его полированную деревянную поверхность, словно искал, чем бы себя занять.

Как будто сейчас было что-то более важное для обдумывания.

На лице гиганта вспыхнуло пламя триумфа. Снова подняв канабо, он зашагал к раненому юноше, намереваясь провозгласить свою победу.

Мариико отодвинулась от своего стола, незаметно отступая в сторону. Определенно, эта битва слишком быстро подошла к концу.

Юноша не приготовился к ответному удару. Даже не дрогнул перед приближающейся дубинкой. Вместо этого он оставался на месте. Его рука упала с раненого плеча.

Его голова опустилась вперед, темные волосы закрыли лицо.

Дрожь охватила все его тело. Ускорила до того, что размыла его черты. Воздух вокруг него начал гудеть. Искажаться. Как пространство, окружающее пламя фонаря.

Как только великан нанес свой смертельный удар, одноногий повар грациозно кинул бо в сторону юноши. Тот поймал его одной рукой, даже не оборачиваясь, чтобы увидеть бросок.

Затем молодой воин подпрыгнул в воздух, оказываясь вне досягаемости великана. Он завис – подвешенный на звуковой струе, – а затем рухнул обратно вниз, и земля у его ног взорвалась концентрическими кругами.

Мариико замерла. Примерзла к месту.

Она никогда раньше не видела, чтобы кто-то двигался похожим образом.

Почти как то существо в лесу. Которое пыталось ее предупредить.

Как темный призрак. Или демон ночи.

В замешательстве от увиденного великан споткнулся, чуть не рухнув в грязь. Юноша снова пронесся по воздуху, так высоко, что противник не смог бы его достать. Гул вокруг него становился все более лихорадочным и резким. Через мгновение он развернулся на месте, скрепя руки над головой. Бо закружился, набирая обороты, молотя воздух, словно раскатистый гром. Он по дуге взметнулся к запястью гиганта, нанеся карательный нисходящий удар. Кости хрустнули, когда великан уронил шипованную дубину на землю. Он завыл так громко, что деревья вокруг в неодобрении затрясли ветвями.

Или в удивлении. Мариико не могла определить, что именно это было.

К своему ужасу, она не была также уверена в своей реакции.

Это не было занимательно. Было совсем не увлекательно наблюдать, как более сильный падает перед меньшим и более умным противником. Особенно перед тем, кто достаточно умен, чтобы так искусно скрыть свое преимущество.

Это зрелище не увлекало Мариико. Нисколько. Несмотря на то, что ее участвовавший пульс говорил об обратном.

Темный призрак юноши замер. Вибрации вокруг его тела уменьшились до медленной дрожи. Его грудь тяжело вздымалась и опускалась, пока он глубоко вдыхал воздух. Как будто он находился под водой дольше, чем может выдержать любой человек.

Он остановился как вкопанный в землю, ища опору. Игнорируя гиганта, все еще воющего рядом.

На поляне внезапно воцарилась тишина. И Марико снова почувствовала опасность бури в воздухе. Что-то вот-вот воспламенится, как от удара кремня о камень.

Она переместилась в тень на краю поляны, ее пальцы все еще сжимали глиняную пиалу. Ее последнее доступное оружие. *Что-то*, чем можно защититься. Марико знала, что если она хотя бы попытается вытащить вакидзаси – если кто-нибудь увидит, как она пробирается сквозь тьму с клинком на изготовку, – это может еще сильнее спровоцировать жажду крови вокруг нее.

Пока она медленно пыталась раствориться в ветвях леса на опушке, глаза Марико не отрывались от круга мужчин, замерших вокруг рыдающего великана и темного призрака. Лучший воин Черного клана продолжал содрогаться на месте. Продолжал тяжело дышать. Его товарищи выглядели мрачными. Вопреки ее ожиданиям, они не радовались победе.

Ибо было ясно, что эта победа досталась дорогой ценой.

Люди великана неуверенно двинулись к своему главарю, словно приближаясь к раненому медведю, который скорее откусит руку помощи, чем лизнет ее.

Марико двигалась очень осторожно, удаляясь от таверны, как краб, прячущийся в панцирь. Ее взгляд был прикован к мужчинам напротив. Продолжал сканировать, вдруг кто-то заметил ее отступление. Или ее место.

Потом она увидела. Увидела то, что никто другой не видел. Что никто и не заметил, поскольку они были слишком заняты.

Шипящего стервятника. Того, что помог великану спровоцировать бой.

Он стоял в луже света факелов на расстоянии вытянутой руки слева от нее. Она увидела, как он медленно опустил руку за спину. Когда он протиснулся мимо стоявшего рядом с ним грубого вида мужчины, Марико уловила вспышку металла.

Взгляд стервятника был прикован к Такэде Ранмару.

Страх, который заставлял Марико бежать, перерос в возмущение.

«Он действует не по чести».

Если они не могли победить по установленным ими же правилам, то они вообще не заслуживали победы! И Марико никогда не позволит себе отдать свою добычу таким неумелым, недостойным идиотам.

Не раздумывая, Марико подняла свою глиняную пиалу и отхлебнула чуть теплого саке.

Затем она выплеснула его в сторону факела.

Вспышка пламени метнулась в направлении шипящего стервятника, напугав всех мужчин вокруг него. Огонь поджег рукав одного из них.

Крики возмущения донеслись из их рядов.

Эта вспышка пламени заставила их вновь насторожиться. Вывела их из транса.

Все взоры обратились в поисках источника взрыва.

«Это было... неразумное решение, Хаттори Марико. Либо используй это, либо беги отсюда. Немедленно».

Что-то в глубине ее сознания подсказывало, что далеко она не убежит.

Кровь отлила от лица Марико, и она швырнула пустую глиняную пиалу в сторону шипящего стервятника. Та ударила его по затылку, отбрасывая за пределы безопасных теней. Прямо в круг боя.

– У него кинжал, – обвинила она его, стараясь сделать голос грубее. – Он пытается сжульничать!

Мужчинам из Черного клана понадобилось мгновение, чтобы понять, что она говорит. Шипящий стервятник поднял свой кинжал на свет, намереваясь завершить свою задачу любой ценой. Руки и локти уперлись ему в спину, в грудь. Его оружие было вырвано из рук. Никто из товарищей не пытался спасти его. Они даже не пытались поднять оружие в знак протеста.

Как только Марико взглянула на Ранмару, она поняла почему.

Пока вокруг бушевал хаос, темный призрак юноши занял место перед своим главарем. Хотя из раны на правом плече все еще капала кровь, ему удалось бросить в их сторону резкую улыбку. С оттенком жестокости. Его бо закружился в воздухе.

Предлагая любому бросить ему вызов.

«Среди воров нет такой вещи, как честь».

– Вы, лживые ублюдки. – Одноногий повар сплюнул в грязь. – Убирайтесь. Сейчас же. Если только вы не хотите настоящей драки. – Он открепил два маленьких кинжала, висевших у него на талии, и покрутил их между кончиками пальцев с грацией мастера.

Великан снова завыл, все еще сжимая здоровой рукой раздробленные кости. Он крикнул своим людям, чтобы они помогли ему подняться на ноги, разбрасываясь ругательствами во все стороны.

Его ярость раскалила бы угли вокруг него. Вскоре его люди начали тыкать друг в друга пальцами, доходя до очередного витка безумия.

Марико сжалась под ветвями. Подальше от взглядов.

«Я должна уходить».

Но она не могла. Пока нет.

Пока она не узнает... что-нибудь ценное. Что-нибудь настоящее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.